

СТРАНИЦЫ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

**Воспоминания жителей
Егоровского сельского поселения
Тарского муниципального района Омской области**

**МЫ - ДЕВЧОНКИ
ВОЕННОЙ ПОРЫ**

Д. Курляно-Дубовка - 2018

Сборник воспоминаний издан
на пожертвования жителей деревни
Курляно-Дубовки

М94 Мы - девчонки военной поры. Воспомнания жителей деревни
Курляно-Дубовки. - Тара: РПО Тарского филиала ФГБОУ ВО
Омский ГАУ, 2018 г. - 68 с.ил.

В редакции авторов

*Фото Шталь Е.Э.
Компьютерный набор Озолина З.И.
Технический редактор Кошлич Е.Н.*

© Авторы, 2018
© Оформление. РПО Тарского филиала
ФГБОУ ВО Омский ГАУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

«Вы - девчонки военной поры».....	4
Из воспоминаний	
Шталь Виктория Робертовна.....	5
Алтынкович Зельма Петровна.....	19
Алтынкович Анна Ивановна.....	21
Буценик Эрна Владимировна.....	24
Хвиневич Мария Васильевна.....	27
Титова Ольга Ивановна.....	29
Павлина Мария Ивановна.....	31
Шталь Альма Яковлевна.....	33
Калнин Ида Эдуардовна.....	36
Клетке Елена Вильгельмовна.....	39
Афельд Оттилия Емельяновна.....	41
Ерик Валентина Васильевна.....	55
Ерик Андрей Иванович.....	58
Кемер Валентина Георгиевна.....	62
Фотографии.....	66
Послесловие.....	68

Посвящается девочкам военной поры

«Вы - девочки военной поры»

Слова и музыка Суминой Зельмы

1. Не вернулись отцы,
Братья в землю легли.
Обвенчались с войной женихи.
Лесорубы, жнецы,
Няньки и пастухи.
Вы – девочки военной поры.
2. Тускло лампы горят,
Из холстины наряд.
И в полголоса все говорят.
Песни пели порой,
Шли под ручку с бедой
Слаще пряника хлеб с лебедой.
3. Много прожито лет,
Много минуло бед.
Не поникла у вас голова.
Под платком седина,
По морщинкам слеза,
Доброта и надежда в глазах.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

**Шталь Виктории Робертовны,
ветерана педагогического труда
(26.12.1929)**

Война

Расскажу об этом так, как помню, как сберегла события того далекого времени моя память. Мне сейчас 85, а тогда, когда началась война, мне было 11 лет. Больно и страшно об этом вспоминать. Мужчины и совсем молодые юноши на фронте. Женщины, совсем молодые остались одни.

Во многие дома уже пришли похоронки. Женщины, бедные женщины, как выстояли, перенесли все тяготы войны. Они заменили ушедших на фронт мужчин. Пахали, сеяли, убирали хлеба, работали на ферме. На их плечи легла забота о детях, чем их накормить, одеть.

«Одна ты и в поле, и дома,
Одной тебе плакать и петь»
(Это вспомнился Некрасов)

Косили сено, теребили лен. Днем на поле убирали хлеб. А в конце сентября, в начале октября ночью все на току – молотили хлеб. Мы, ребяташки, подтаскивали к молотилке снопы, сняв перевязки, самый ловкий пускал, заталкивал снопы в молотилку. Работа трудная и опасная. Многие тарчане знают Валентину Сабянину, родом из д. Юрьевки. Она и лишилась рук на этой работе, сначала затянуло одну руку, спасая ее, лишилась и другой. А была она тогда еще девочкой-подростком.

В 12 лет я была звеньевой. А в звене 10, а чаще 12 девочек. В разгар лета мы пололи хлеба. Колноч же был осот. Руки исколоты. Иногда появлялись нарывы. Перчаток не было. Одна радость – бригадир, которому было лет 50-60. Он нас жалел, говорил: «Тер-

пите. Кончится война. Будет все по-другому. Мы победим». Для нас это был голос дорожке, чем голос Левитана. Привозил обед (суп и порцию хлеба, очень вкусного).

Мы, дети, осенью (уже в августе, сентябре) теребили лен, убирали картошку. А когда подросла (было лет 14) отправили косить рожь (у нас серпами не убирали). Надо было скосить 50 соток (полгектара), связать в снопы и составить в «бабки» (так у нас их называли). Косила день. Тяжело заболела, надорвалась (рожь была выше моего роста). Поправилась. Опять косить... Ищу литовку, но не нахожу. Мать ее спрятала. Но я без работы не осталась.

«Лобогрейка»

Еще вязали снопы за «лобогрейкой». Так называли конную косилку. Сидящий на ней сбрасывал накошенное. Там получался сноп. На косилке объезжали поле (езде были расставлены вязальщицы), надо было успеть все убрать до возвращения косилки (чтобы не затаптывать). Торопились, пот градом катился. Отсюда название «лобогрейка». Жабрей колол руки, ранки кровоточили.

Солнце пекло. С одной стороны поля – женщины, с другой – мы, девочки, а на косилке двое мальчиков, Володя и Миша (их уже нет с нами).

Отец

Сейчас понимаю, что все мужчины были на фронте. 1942 год, чуть больше года как идет война. Отец, участник Первой мировой войны, был с боями в Пруссии. Вернулся здоровым. До сих пор у меня хранится фотография тех военных лет. В 1942 году отца Роберта Ивановича Шталь призвали в Армию, на фронт. Было тогда ему 44 года. Значит, на фронте были все, кому 43. Всех прибывших на пароходе из Тары отправили разгружать баржу. Бревном раздро-

било отцу ногу. Ампутировали. Началась гангрена. Погиб. А нам даже не сообщили о его смерти. Написал нам об этом (через год мы узнали) его друг, с которым вместе с моим отцом призывались в армию. Мама узнала из письма о судьбе отца, но мне не сказала. Не хотела расстраивать, уж очень мы, дети, были привязаны к отцу. Я же узнала от подруг, которые начали жалеть меня. Тогда я узнала, как тяжело жить без отца. А я его искала, ждала...

Училась (1945-1948 гг.) в педучилище (там сейчас коррекционная школа). Шел урок географии. Вижу (напротив была столовая № 1), спускается по лестнице второго этажа мужчина, тяжело хромя. Отец! Ни слова не говоря, выбегаю из класса. Догоняю военного. В спину кричу: «Папа!».

Он поворачивается, внимательно смотрит на меня, обнимает одной рукой и говорит: «Девочка, я не твой папа».

Коротко о семье друга моего отца

В семье Предэ Михаила было четыре сына. Ваня, старший, ушел на фронт в 18 лет в 1941 году. Погиб по дороге на фронт. Поезд разбомбили. Его невеста Мария ждала его всю жизнь. Подросли сыновья Петя и Володя. Опять на фронт. К счастью, оба вернулись, раненые. Эдик с 1930 года. На фронте не был.

У соседей Матисоновых погибли оба старших сына. Я уже писала, что взяли на фронт 45 человек, вернулись 13.

В 1942 году или 1943 году стали брать в ФЗО (фабрично-заводское обучение девочек) лет 15-16 взяли из деревни двух, они учились в Омске, а потом работали на заводах.

Мальчик из Подмоскovie

1943 год. Вот я предстала (с большим опозданием) перед пятиклассниками, многих из которых я видела впервые. Впервые в нашу Курляно-Дубовскую школу пришли дети из Егоровки, Вилей-

ки, Юрьевки, Новиковки. Новичкам я не понравилась, по сходству имени (Виктори, Виктор) и странной фамилии ждали мальчика. Их в классе было мало, так как многие работали. С мальчиками потом подружились.

Через несколько дней в класс пришел еще один мальчик, худенький, бледный, он еле держался на ногах. Завела его худенькая, высокая женщина. Его мама, Екатерина Ивановна Обухова, приехала с семьей из Подмосковья. Она у нас вела русский язык и литературу. Дорогой их поезд разбомбили. Сына Сережу тяжело ранило в позвоночник. Год пролежал в госпитале Омска. Мы знали, что Сережа носит карсет из металлических пластинок. Хотелось дотронуться, чтобы убедиться в этом. Мне кажется, что никто этого не сделал. Сережа научил нас играть в шахматы.

Про войну и ранение ничего не рассказывал. Учился очень хорошо. И нам стыдно было плохо учиться! Подтянулись в учебе даже наши мальчишки. Другой мальчик Ленька (сын географички Анны Федоровны из Киева), хорошо играл на билиарде. И он нас научил играть, его любимым словом было – мазила. Все хвалил свой город Киев. Но он с мамой уехал, как только освободили Киев.

В школе

Перед занятиями в школе (начинали учиться в конце октября) мама говорит: «Завтра в школу не пойдешь: не с кем Ванечку оставит (ему было 4 года) кончится война – пойдешь учиться». Шел 1943 год... Я расстроилась, но промолчала. Знала, что так она скажет. Думаю, когда кончится война. Утром собрала братишку (не забыла, что он есть попросит, взяла кое-что) и в школу.

Техничкой работала наша родственница. Она и Ваню приютила. Потом я узнала, что мама ночью сбегала в школу и договори-лась о том, что Минна Ивановна присмотрит за Ваней. Жила она тут же в небольшой комнате, называли ее красной. Здесь нам гото-

вили картофельное пюре. Картошку чистили мы по очереди. О булочках, как в городских школах, речи не было.

Мама умудрялась нас, одноклассников, подкармливать. Странно, но в войну нас, Шталевых, спасали горох и бобы. Сажали много. Осенью убирали, сушили. Шелушили, (убирали из стручков) большие два мешка получалось. Сажали горох (называли сахарным, низенький, рос без подпорок). Тоже убирали немало. Готовила мама для меня бобы, чтобы взять в школу. Замачивала вечером, варила, утром поджаривала на сковородке. Потом в мешочек со шнурком. На большой перемене я раздавала по горсточке (брали сами из мешочка). На всех, конечно, не хватало. Брали соседки бобы. Но мать иногда пеняла: «Садить надо бобы. Приходи весной – дам бобы на семена и посмотрю, как ты, их посадишь».

Не знаю, говорить ли об этом. Учился с нами сын председателя колхоза (не нашего), мальчик обеспеченный. На большой перемене он доставал из сумки хлеб, мясо или котлеты. Запах – по всему классу. Мы все демонстративно покидали класс, не договариваясь об этом. Мы этого мальчика перестали «видеть». Учился плохо. Уже потом, будучи взрослой, я не могла побороть неприятное чувство к нему. Так, оказывается, зла детская память.

Фельдшер Сигорская

Нас, детей, в войну спасали как могли. Постоянно делали прививки. Свиристествовал ТИФ (брюшной, возвратный). Фельдшер Сигорская (хорошенькая белокурая девушка) еженедельно приходила в школу. Проверяла нас на чистоту, вшивость (вши – разносчики возвратного тифа). Фельдшер у меня обычно спрашивала: «Виктория, чем твоя мама моет тебе голову?». Мыла не было. Тогда я ответила: «Лопухами». Она спросила: «А сейчас, зимой?». Говорю: «Мы насушили». Сигорская резонно говорит, что надо это посоветовать другим. В деревне умирали от тифа. Особенно тиф

свиристывал в соседней деревне Силим. Каждую неделю когонибудь хоронили (там, в Селиме, кладбища не было) в Курляно-Дубовке.

Наши мальчишки

В школе в войну мальчиков было мало: они работали за взрослых. Поэтому я не удивилась, когда после окончания Тарского педагогического училища, приехав в Крутинский район, учила мальчиков (им было около 18), которые были мне ровесники. Нашим мальчикам в войну было труднее, чем нам, девочкам. В 12-13 лет они пахали, боронили, сеяли. Осенью убирали хлеб и отвозили в Пологрудово. Это за 50-60 км, таскали тяжелые мешки по трапу вверх зернохранилища.

Зимой – пурга, мороз. Лошади еле тащили тяжелые возы с зерном. Все вытерпели мальчишки ради победы на фронте. Некоторые после войны доучивались, особенно из Курляно-Дубовки: школа была рядом. Те мальчишки военных лет давно ушли в мир иной.

Все для фронта, все для победы...

Хлеб сдавали почти весь. На трудодни давали очень мало. Люди голодали. С каждой коровы надо было сдать в сливкоотделение 360 литров молока, не помню, сколько яиц, сдавали мясо. Платили налоги. Не знаю, где брали деньги. Собирали для фронта теплые вещи, чаще всего это были рукавицы и носки. Собрали районом деньги на самолет летчику Золотореву, Герою Советского Союза, из с. Баженово. Работали не покладая рук.

Часто обходили дома с просьбой что-то сдать для фронта. Наша мать заранее пряла шерсть, вязала носки и рукавицы (они всегда у нее были в запасе). Как-то в своей жизни мама сказала: «А ты знаешь, сколько мы для фронта связали рукавиц? Более 30 пар, а может больше».

Рядом в Егоровке работала картофелесушилка. Трудились там круглосуточно, смена 12 часов. Работала там наша соседка Евгения Юрьевна Озолина. Муж на фронте. Две маленькие дочери дома одни. Случилась беда: старшая обморозила ножки. Потом всю жизнь хромала.

Сушеный картофель увозили в Тару мешками. Неподалеку, в лесу работала смолочурка. Гнали деготь и сдавали. Работало сливкоотделение. Сливки – в маслозавод. Назывался Курляндским (в 4-х километрах от нас). Творог сушили, получался казеин. Мы тогда не знали, что он идет на военно-промышленные нужды.

Был в колхозе свинарник, овчарник. Зимой туши (говядина, свинина, баранина) отправляли в Тару – потом на фронт. Бесплатно. А надо было платить налоги. Обязательно покупать облигации. Их у нас была стопка, на большую сумму денег.

О доярках вновь

Им было очень тяжело. Трудно вставать в 4 часа утра (утренняя дойка), коров доили 3 раза вручную. У каждой доярки по 13 коров. До обеда надо было приготовить подкормку для коров (накосить травы, нарвать турнепса), а после обеда на поле (сенокос, уборка, хлеба, молотьяба).

Мужчины все на фронте. Молодая девушка Эрмина Петровна Кемер стала трактористкой. Была одной из передовых, получила правительственные награды после войны. Ее не стало в 2013 году.

Школа

Эвакуированные учителя работали у нас в Курляно-Дубовской школе (наши мужчины ушли на фронт). До сих пор хорошо их помню: они внесли много интересного и нового в нашу жизнь.

Много теплых слов хочется сказать о Людмиле Сергеевне Матвеевой, которая в войну работала у нас директором и в моем классе

вела уроки русского языка и литературы. Она эвакуировалась из Подмосковья со старенькой матерью и дочкой Иррой. Муж полковник был на фронте.

Школа при ней (как раньше) была центром культуры. Ставили пьесы «Любовь Яровая» и «Платон Кречет». Главные роли играл Егер Владимир Андреевич, который вернулся с фронта раненный в руку (научился хорошо писать левой рукой). Мы, девочки, подражая ему, тоже научились писать левой. Почерк – как у правой. Проверила еще сейчас – получается.

Ставили Островского «Без вины виноватые» и другие спектакли уже на военную тему (например, К. Симонова «Русские люди»).

При Матвеевой пополнилась библиотека. Мы читали только что написанные и изданные произведения: как-то, Б. Горбатова «Непокоренные», Ванды Василевской «Радуга», «Они сражались за Родину» Шолохова, поэму о Зое Алигер и другие.

Хорошо помню учителей тех, военных лет. У Екатерины Ивановны Обуховой было одно единственное платье в крупную клеточку. Учителям выдавали по 4 метра коричневого материала. Все учительницы стали «щеголять» в «униформе». Только Вера Карловна, наша любимая математичка, осталась верна выбранной моде: носила черную юбку и меняла светлые блузки.

Умерла от туберкулеза моя любимая учительница начальных классов Эльвира Андреевна, оставив двух малолетних детей. Хорошо, что их приютили родственники. Вскоре вернулся отец с восточного фронта.

Почта

Во время большой перемены, после двух уроков всегда приходил с почтой из Егоровки (за 4 километра) наш почтальон, дедушка Федор, весь, как “лунь”, седой, высокий, крепкий старик. Мы ждали его и боялись, кроме писем и газет, он приносил похоронки.

Ждали газету «Пионерская правда», которую Екатерина Ивановна вывешивала. Мне кажется, ее читали все. Знали об отданных, затем освобожденных городах (обозначали на карте звездочками) знали об осажденном Ленинграде, о Зое и ее брате Космодемьянских, капитане Гастелло, краснодонцах. Знали, как защищали нашу столицу Москву и что там погибло, много сибиряков. Погибли там 4 брата из деревни Юрьевка, фамилию забыла.

1941 год. Знали о крепости героев Бресте. Знали многих, кто командовал фронтами (Конеv, Жуков, Толбухин, Василевский, и др.). Об этом мы узнавали из «Пионерской правды».

Ждали победы, верили. Помогали. Работали.

Собирали посылки для фронтовиков. Я связала рукавицы и носки (из мягкой серой шерсти). Мама хорошо пряла. Вложила записку в рукавичку – танкисту от девочки Виктории. Танкист писал. Потом перестал. Наверное, погиб.

Похоронка

Как всегда пришел в школу почтальон, дедушка Федор, борода в инее и сосульках. Мы его обступали. Он отдавал письма и газеты (их было мало) ученикам, чтобы не ходить по домам, разнося их.

Дедушка Федор мне говорит, как бы извиняясь: «Ты отнесешь письмо Матисоновым». – «Отнесу». Они были нашими соседями. Зашла с письмом в класс. Подружки меня окружили, рассматривают конверт и говорят: «Это, наверно, похоронка». Кинулась из класса, чтобы вернуть письмо. Почтальона и след простыл.

Пришла домой. Боюсь идти к соседям с такой страшной вестью. Решилась. Уже сумерки ступились. Прихожу к соседям. За столом (при копилке) мать, Андрей и Оля ужинают. Меня за стол сажают. Отнекиваюсь. Сижу. Обо всем переговорили. Письмо в кармане. Рука дрожит. Откладывать больше нельзя. Решилась. Бросила письмо на стол и убежала домой.

Сколько таких похоронок пришло с фронта...

Брали шестнадцатилетних. Хорошо помню. В школе вручили повестки мальчишкам. Они были подростками. Это были мальчишки из седьмого класса: Куршинский Роберт и Предэ Владимир. Выстроили нас всех учеников в зале. Наши призывники худенькие, бледные стоят... Директор Егер Владимир Андреевич, сам фронтовик, говорит им напутствие.

Нам их жалко. В зале молчание.

«Наш Майор»

Огороды копали вручную, пахали на коровах. Но моя мать, женщина умная и решительная, говорила: «Это с одной коровы две шкуры?». И вскоре у нас появился бычок, по кличке Майор. Мама не хотела так называть. Но когда я показала газету с цветной фотографией К. Симонова, моего любимого писателя, и сказала, что майор это его воинское звание.

- Майор так Майор (но уже с прописной буквы)...

Мальчишки-соседи научили его быть «послушным». Впрягая в плуг, соху, телегу.

Отбоя не было от просьб соседок: «Тетка Дарья, мне бы Майора». Давала. Обижалась, когда предлагали плату, но если приводили голодного, ненапоенного, то больше можно было не спрашивать. Не даст. Колхозные поля пахали на коровах. А нас выручал Майор.

9 мая - День Победы

Этот день помню очень хорошо. Я заканчивала школу. Был теплый весенний день. Уже зеленела травка. Буйно зеленели березы вокруг танцевальной площадки.

Раздается звонок, долгий, радостный (нам так показалось). Нас собирают на линейку на площадке.

Выходит улыбающийся директор школы Егер Владимир Андреевич и объявляет, что кончилась война. Мы захлопали в ладоши, закричали ура. У каждого кого-то забрала война, но радовались Великой Победе.

А нынче уже 70 лет этой Победе, Победе над фашизмом.

Возвращаются воины

Это было вскоре после Дня Победы. Я что-то делала в палисаднике. Поднимаю голову – передо мною солдат, Гаус Юрий Алексеевич. Его взяли в армию, на службу, до войны.

Он мне говорит:

- Как ты выросла.

- Да, столько лет прошло.

Так и остался в памяти этот день: весна, солнышко греет и молодой солдат с вещмешком за плечами.

«Я тебе подарю на память самое дорогое, что у меня есть – фронтовой альбом» – говорит он.

И вот у меня в руках его альбом, толстый, потрепанный, видавший виды. Это был альбом – дневник с именами погибших друзей, однополчан, с названиями местечек, городов, которые освобождали. Альбом со стихами, песнями, записями друзей.

Там был автограф К. Симонова, с его стихами «Жди меня». Там были горькие сожаления о гибели друзей-однополчан. Это были длинные списки. Очень сожалею, что я не сберегла этот альбом, это была история не одного человека, прошедшего пекло войны и оставшегося в живых.

Забрали на фронт из Курляно-Дубовки более 45 человек, вернулось 13 (кто-то остался в других краях, я помню некоторых).

Нет уже в живых Юрия Алексеевича. Это был последний солдат Великой Отечественной войны, который жил в Курляно-Дубовке. И он ушел в мир иной.

Погиб

«Нездюлькин Иван Яковлевич 1925 г. рождения. Служил в истребительном батальоне. Погиб 11.11.1944 г. похоронен на хуторе Амара в Латвии. Такая лаконичная запись в Книге Памяти.

Об этом мать его так и не узнала: Книга Памяти вышла после ее смерти. Письма от сына приходили редко, потом их совсем не стало приходить. Даже извещение о смерти мать не получила.

А мать ждала сына. Каждый день, долгие годы болело сердце.

В Книге Памяти запись нашла внучка Шталь Светлана Леонидовна. Когда об этом рассказала бабушке Альме Яковлевне Шталь – Нездюлькиной (это родная младшая сестра погибшего), обе горько плакали.

Шталь Альма Яковлевна – жена моего брата Шталь Ивана Робертовича (ныне покойного). Это горькая память только об одном из погибших на войне.

Пропал без вести

Мой двоюродный брат Юруш Альфред Иванович, 1919 г. рождения, уроженец д. Сырбашка, Тарского района. Единственный сын моей тетушки Лины Семеновны Янсон, маминой сестры. Его взяли на службу в 1939 г. Служил он в Бресте (в одном из последних писем в конверте было слово Брест на латышском) в этой легендарной крепости.

До войны они жили с матерью на хуторе, рядом лес. С детских лет брат увлекся охотой на дичь, бил соболей, даже лосей. В Книге Памяти о нем запись: «Юруш Альфред Иванович 1919 г. рождения, рядовой, стрелок пропал без вести в ноябре 1941 г.»

Я уверена, что и он был защитником этой легендарной крепости, которая сражалась в тылу врага долгие месяцы.

А здесь в Книге запись о том, что он пропал без вести - ноябрь – ноябрь. Тетушка до самой смерти ждала сына.

Когда после войны (я уже училась на втором курсе педучилища) я приехала в гости в Сырбашку, то тетушка достала из комода папку пожелтевших от времени писем. Она просила прочитать каждое письмо. И вот последнее ..., в конверте ... читаю. Обе плачем ... Рассматриваю конверт ... и что я вижу? Раскрыв конверт, читаю короткую запись: «Я в Бресте» (запись на латышском языке). Так мы узнали о том, что мой двоюродный брат служил в Бресте и живым он не мог остаться. О крепости-герое Бресте, где мужественно сражались бойцы находясь в тылу врага, ходили легенды.

А тетушка о крепости Бресте и судьбе ее защитников я не рассказала: пусть живет надеждой, что сын вернется.

Не дождалась ...

Не вернулся ...

Раскопали

Мой двоюродный брат Скудра Р.К. служил в армейском расчете, который в народе называли «Катюша». Расчет был не близко от фронта. Но фашисты обнаружили. Разбомбили. Брата случайно нашли засыпанного в воронке (спас высокий рост, спасли сапоги, которые увидели бойцы). Раскопали. Живой. Контуженный. Выжил. Сражался до Победы.

* * *

Видела много мест, связанных с войной и Победой. Была на братском кладбище в Праге, Берлине, Бресте, Волгограде, Одессе, Севастополе, катакомбах Керчи. Все не перечислишь. Боль, слезы, утраты. Но главное – нам нужна, нужна ОДНА ПОБЕДА. Мы ее добились. И гордимся нашей победой.

Спаслась...

Уместно ли? Но хочется сказать об этом. Лет 10 назад я встретила с женщиной из Белоруссии, которую спас в войну немецкий солдат. Это была Зина Пиджакова. Пиджакова по мужу – сибиряку, который привез в Сибирь солдат Герасим Пиджаков.

Она рассказывала: «Гнали нас, девушек и мальчишек – подростков, в Германию. Это было осенью 41 года. Колонна проходила лесом. Конвоиры кричат, подгоняют прикладами. И мы уже выбились из сил. Плетусь сзади колонны. Справа молодой конвоир. Задел меня прикладом и прошептал, указав на овраг: «Шнель, шнель». Решилась. Бегу. Кажется, что в спину стрелять будут. Но добежала до оврага. Через двое суток до дома добралась, пряталась дома от полицаев и немцев. Спаслась. А когда наши пришли, счастьем не было конца. Фашистов проклинаю, а того, моего спасителя, добрым словом всю жизнь вспоминаю».

Линия фронта по огороду

Об этом рассказала Анна Борисовна Болдыш. Мать семерых детей, ушла из жизни в прошлом году (2014) году, она из Белоруссии, когда фашисты рвались в страну, бои были страшные. Прятались, где могли. И вот по нашему огороду прошла линия фронта, дом – на нашей стороне. Огород – линия фронта. Жить как-то надо... копали огород, сажали картошку, когда обстрел чуть затихал. Страшно. Идя в огород, не знали, вернемся ли. Чаще все делали ночью.

«Мы этот день приближали, как могли»

В 2015 году наша страна отметила 70 лет Победы в Великой Отечественной войне. Что бы ни говорили на Западе, но Победу одержали мы, советские люди.

Мы победили, потому что каждый приближал победу как мог.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Алтынкович (Озолин) Зельмы Петровны (13.12.1939)

Мне было пять с половиной лет, когда закончилась война.

Нашей семье очень повезло, потому что у нас был дед, Грауд Фриц Петрович, мог наладить литовку, наколоть дров, накосить сено и помочь управиться с мужскими работами.

Дед, Грауд Фриц Петрович и баба, Грауд Эмилия Эдуардовна работали в колхозе. Дед делал для коней хомуты. Папка, Озолин Петр Егорович, работал в трудовой армии в г. Омске. Пришел в 1946 году домой. Мама, Озолин Элида Фрицовна, работала дояркой, телятницей и на разных работах.

Все детство бабушка была рядом. Она возила на телеге сливки в деревню Юрьевка. На этой телеге и я вмещалась. Помню, как забегала в молоконку, мыла там пробирки для определения жирности молока. Бабушка умерла в 1977 году. На начало войны ей было 36 лет.

Одежду носили холщовую, домотканую. Пасталы (обувь) была из овечьей шкуры. Была у нас обувь и такая – подошва деревянная, вверх из кожи. Пели мы тогда такую частушку «спасибо русскому за деревянные башмаки, лихо в них бьем чечетку» (перевод с латышского).

Когда мы подрастали стали понимать, что такое голод. Нам всегда хотелось кушать, вот тогда пришло понимание войны. С Кальвен Освальдом пошли на озеро, он нам показал камыш и сказал, что корни камыша можно употреблять в пищу. У меня сохранился вкус сильной горечи.

Много детей, таких как я Зельма, Анна, Фрида, брат Алекс, Света Шилова – все шустрые и много озорничали. Бабушка, Озолин Наталья, загоняла нас под широкую юбку, для того чтобы мы успокоились. Потом выпускала и говорила – ну что успокоились?!

Бабушка делала куклы нам из тряпочек. Играли с кусочками бересты, с палочками, с лучинками.

Много приходилось сдавать налоговому агенту продуктов. Осенью мама собрала урожай с огорода. Часть оставила для семьи и положила в погреб. Так, Чулко Арвид (налоговый агент) залез в погреб и выкинул брюкву, свеклу, морковку. А я сидела на диване и сильно плакала.

Однажды Чач Мильда, жительница деревни, прибежала на молококанку и сказала, что война закончилась.

Ощущение детства все-таки было.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Алтынкович (Лайпа)

Анны Ивановны

(12.04.1941)

Бабушка, Ерик Магрета Клавовна, всегда была рядом. Родом она из Латвии. Вся ее семья работала у помещика в пекарне. Я спрашивала у бабушки, зачем она приехала сюда, в Сибирь, здесь так голодно, а там были яблоки. Бабушка отвечала – из-за земли.

Дед, Ерик Федор Иванович, умер в 46 лет, после революции. Отца, Лайпа Ивана Михайловича забрали по линии НКВД еще до войны. Я его совсем не знала. Вся наша семья осталась без мужчин. Всю мужскую работу делали женщины и дети. В семье было пятеро детей. От скарлатины умерло два брата, сестра умерла от дифтерии. Остались я и мой брат Владимир. Брат тоже сильно болел, но он, видя как умирали братья, сказал «я буду жить». Проболел брат весь месяц. Мать, Лайпа Мада Федоровна, работала в колхозе. Была дояркой, работала в телятнике.

Я ходила к ней на работу. Ферма находилась за глубоким оврагом (байрак). Мать не разрешала приходить к ней. Через байрак были наложены бревна и по ним было опасно ходить. А это был самый близкий путь к маме на работу. Однажды я решилась пройти по бревнам, сама себе приговаривала – я сама могу пройти. Мама увидела меня, испугалась за меня, боится крикнуть (я же могла упасть). Мама меня потом бранила. Вот с тех пор и приходилось мне идти в обход, уже по длинной дороге.

Ой, очень хорошо помню холщевые платья, домотканую одежду. Ей сносу не было. Холщовые платья еще и кололись. Куклы у нас были сделанные из тряпочек. Играли с берестой, с палочками, с опилками, играли и в песке.

В детстве я очень любила тертые галушки. Маму как-то вечером (было очень темно, горели только лучины) попросила приго-

товить мне галушки. Я в печку кидала кусочки бересты, чтобы светлее было в доме, один кусочек бересты (береста имеет свойство при горении свертываться) закрутился на моем пальце и загорелся. Я плачу. Рядом стояло ведро с водой. Мама увидела все это позже (темно же было), и сказала, что суй палец в ведро с водой. Палец долго заживал.

Как-то брат Владимир поставил капкан на крыс. Проверил лучиной – работает. А я с помощью пальца проверила – ничего палец остался целехоньким и долго не болел.

Кушали все время отварную картошку в мундирах и макали ее в макачку (мука на воде и соль). Картофельные дранники мы не ели потому что, их надо было жарить, а у нас не было жира.

Почти все продукты приходилось отдавать государству. Картошку отбирали отборную без трещин и червоточин. Меня не допускали к такой работе. Даже брынзу (овечье молоко) отдавали государству. Помню, как однажды овечка пришла с поля и мама ее подоила, потом подбежали ягнята, а есть – то нечего. Я сильно, очень сильно плакала. Я любила животных.

Все мое детство прошло с бабушкой. Мама всегда была на работе. По разговорам взрослых, по деревни часто видели волков, они съедали собак. Мне было страшно, я же оставалась одна дома. Вечером очень темно, а бабушка уходила управляться (кормить домашний скот). Я ее ждала возле окошка. Однажды я своим лбом так надавила на оконное стекло, что оно разбилось, и у меня потекла кровь. Бабушка за меня сильно испугалась.

Мой брат круглосуточно работал в колхозе на конях. Ох, и трудная была работа. Зимой – заготовка дров, работа на ферме. Весной в поле сеяли овес. Осенью – возили зерно в вагонке (широкая телега, куда можно было положить много мешков с зерном). Разгружал мешки сам.

Однажды ему от непосильной работы стало очень плохо. Бригадир Предэ Иван отправил его домой спать. Много времени он

проспал. В полузабытье он вскочил с кровати и потащил ее. Я и мама были в недоумении. Потом мама сказала тихим голосом:

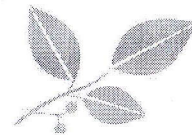
- Сынок, что ты делаешь?
- Телегу опрокидываю.
- Это же кровать.

Он посмотрел, поставил кровать обратно и опять заснул.

Как-то вечером брат повез мешки с зерном с поля домой в деревню. И заснул. Кони ночью свернули с дороги (захотелось им травки пожевать). Проехали большое поле и остановились только в лесу. Телега так застряла, что брату пришлось разгрузить телегу (а он был еще ребенком), отремонтировать, обратно все мешки с зерном сложить и приехать домой.

Коней он очень любил. Кормил всегда овсом и давал воды.

Все мое детство связано с мамой, с бабушкой и с братом.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Буценик (Зарина, Озолина)
Эрны Владимировны

Я родилась 6 мая 1936 года. Девичья фамилия Зарина, а потом сестра мамина, тетка Валентина (у нее не было своих детей) переписала на свою фамилию – Озолина.

Мама, Нина Яковлевна, привезла сестру Марию (год рождения 1929), брата Петра (год рождения 1931) и меня к тетке Валентине. Мне было отроду 9 месяцев. Мама бросила нас. Потом тетка Валентина отдала сестру Марию обратно маме. Ей необходимо было учиться. А я и брат Петр остались жить у тетки.

Мама моя жила в с. Екатериновка и ни разу ко мне не приехала. Когда мне исполнилось 18 лет я поехала одна в село Екатериновка (от нашей деревни 40 км) повидать маму. Мама меня даже не узнала. Видела я ее всего лишь несколько часов за свою жизнь. Когда мама умерла, я не поехала на похороны (а может надо было, не знаю). Когда приехал отец из Москвы для того чтобы забрать брата Петра (в 1945 году), а я осталась у тетки, может быть, из-за обиды отец у меня не вызвал никаких чувств. Совсем чужой человек. Отец хотел навестить мать, но тетка Валентина отговорила (она плохая). Потом брат отслужил в Армии, писал письма. В последствии связь с ним прекратилась.

Вот так сложилась моя жизнь – я не знаю ни отца, ни матери.

Сохранились фотографии моей мамы, тетки и брата. Брат очень похож на маму.

Тетка Валентина была очень строга. Если я убежала из дома с подружками поиграть, а прибежав домой... пряталась под кровать. Тетка меня и там находила, била прутиками и приговаривала: «я же тебе говорила, сиди дома». Бабушка, теткина мама, вставала на мою защиту. Играть меня никуда не пускали, приходила только Аня Федорова. С ней я играла на горе.

Мы жили отшельниками. Наш дом находился на горе.

Тетка Валентина готовила суп из крапивы, из лебеды, из лесной травы, добавляли картошку, если она была. А когда тетка сварила похлебку из листьев свеклы, мне не понравилось. Казалось тогда, похлебка из крапивы вкуснее. Мне как-то сказала тетка, спеки хлеб и я пекла. Я не смела послушаться. Мне казалось, что, получается неплохо.

Помню, в хозяйстве у нас была корова и, наверное, были овцы. Тетка приглядывала за колхозными курами. Эти куры расплозились по всей деревне.

Помню колхозные погребя. Как-то я спросила тетку, что в них лежит? А она ничего не ответила. В то время нельзя было лишнего болтать.

В то время бандиты, или как их называли, беляки, могли прискакать на конях в деревню забрать скот или убить нас. Им за это ничего не было.

Как-то весной тетка пасла коров и нашла на краю поля колосья пшеницы. Принесла домой. Высушила. Кто-то донес. Пришел Предэ Иван (уполномоченный по сбору продуктов) и забрал все. Зерна было примерно пол мешка. Помню, что я сильно испугалась.

Тетка Валентина так же работала в строительных бригадах (строили фермы). За это она получала 50 килограммов муки в год.

Тетка решила купить дом в деревне. Сруб нам продал Стразд (житель села). Без мужа она обустроила дом и дворовые постройки. Бумагу о покупке дома подписала наш депутат Кемер Эрмина Петровна.

Получила я семь классов образования. Очень трудно было ходить в школу зимой. Обувь плохая. Ноги примерзали к обуви, но тогда все так ходили.

Когда я подросла, мне тетка приказала идти работать в школу. Я так не хотела, но послушаться не могла. Помню, как с директором школы Егер Владимиром Андреевичем, ездили в Васисс за кирпичи-

чом. Кирпич нужен был для печек школы. Нагрузили полную машину. Поехали домой через мост. Мост рухнул под тяжестью машины. Пришлось разгружать и потом все снова загружать. Как только вытерпели руки.

Может быть, моя жизнь сложилась бы иначе, если б жила с родителями.

Понятия войны не было. Жили, так как все.

Меня ничего в жизни не интересовало. Я никогда не вмешивалась, что тетка Валентина скажет, то я и делала.

Люди раньше были добрее, потому что их объединяло общее горе, трудности жизни.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

**Хвиневич (Толстиковой)
Марии Васильевны**

Родилась 20 ноября 1921 году в городе Вятка Кировской области. Отец, Толстик Василий Харламович умер рано, мать, Екатерина Ефимовна осталась одна с шестью маленькими детьми (я, Мария и еще пять братьев). Екатерина Ефимовна переехала в деревню Котовшиково Знаменского района Омской области.

Мама рассказывала: «Я была небольшая, но помогала своей маме, убиралась в доме. Мама ткала холсты, а я их мыла на мостике у речки за огородом. Мама кроила мальчишкам (то есть братьям моим) штанишки, рубашки. Сложит ткань, так как нужно сшить и даст мне, а я сшивала».

Моя мама, Екатерина Ефимовна умерла еще до войны.

В 1939 году я вышла замуж за Александра Григорьевича Хвиневич в д. Уваровка Знаменского района.

8 апреля 1940 года родила сына Колю. Жили мы вместе со свекром и свекровью.

12 июля 1941 году мужа забрали на фронт. Участвовал в боях на Полтавском направлении. За все войну было два письма, первое с дороги и еще одно с окопов. Его окружили немцы. С 17 сентября 1941 года по 4 апреля 1945 года находился в плену в селе Эрминбах (Германия), работал на сельхозработах. Освобожден американскими войсками. После прохождения фильтрационной проверки, по решению комиссии 03.12.1945 года направлен в РККА.

Во время войны умирают свекор и свекровь и три моих брата.

Я наняла для сына няньку (девочку 11 лет), а сама ходила на работу. В колхозе работы было много для женщин, так как мужчин забрали на войну. Зимой возила сено на быках. Весной во время посевной боронила поля на лошадях. Носила лукошко с зерном на плечах и сеяли хлеб. Летом с 25 июня до августа косили литовками

траву. Литовки отбивали сами, сено тоже метали сами. Косили группами. В группе было по семь человек. В августе начинали жать хлеб. Вязали снопы из ржи, пшеницы и овса. Потом снопы скирдовали (снашивали снопы вручную и на конях). Затем молотилкой молотили.

Возили из Знаменского района в Омск на шести подвездах сушеную картошку для окоп.

Работала в Урмане на заготовках леса зимой, а на другую зиму по ледянке вывозила лес на пристань.

В 1946 году вернулся муж с войны. Родилось у нас после войны семеро детей.

В 1952 году переехали в д. Слобода Знаменского района. В этом году похоронила дочь Таню. Ей было отроду два месяца.

Муж, Александр Григорьевич, умер 25 июля 1985 году. А уже в ноябре я переехала жить в д. Курляно-Дубовка Тарского района.

В 1976 году утонул сын Василий (25 лет).

В 2002 году похоронила сына Петра (55 лет).

В 2009 году – сына Николая (69 лет).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Титовой (Матисон) Ольги Ивановны
(27.05.1932)

Будет мне 27 мая 83 года. Молодость тяжелая, но еще здоровье позволяет ходить на ногах.

Мне было 8-9 лет, когда я пошла в школу.

Мы жили на хуторе. Однажды утром мужчина ехал на коне и пел тихо песню

22 июня ровно в четыре часа
Киев бомбили и нам объявили
Что началась война...

Вот тут и началась война. Пришли повестки, мужиков забирают на фронт. Отправляют на конях, на быках. Очень страшно было. Матери остались одни с детьми. Отец, Матисон Иван Адольфович, умер еще до войны. Мне было пять лет. Забрали двух братьев на войну. Брат, Матисон Отто Иванович, ушел на фронт в первые дни войны. С фронта он не написал ни одного письма. Оказывается брат попал в плен. После войны – вернулся домой. Как-то Лайпа Эльза (секретарь сельского совета) сообщила, что брата вызывают в контору. А там милиция ждала. Вот так его и забрали. Через много лет мы узнали из газеты, что тарских военнопленных расстреляли. Где точно он покойся, я не знаю.

Брат, Матисон Федор Иванович, закончил семь классов. Ему было 16-17 лет, и он пошел на войну. С фронта пришло письмо, что его контузило, и он лежит в госпитале. После госпиталя – опять на фронт. Много писем мы получили. Потом долго не было писем. Затем пришла похоронка (Виктория Робертовна Шталь всю правду написала, это она нам принесла похоронку).

Брат Андрей не был на фронте, хотя обучение проходил в лесах (черемушниках).

Осталось в нашей семье – мама, я и мой брат Андрей. Много

пришлось работать. Зимой училась. Летом работали. Ходили поля колхозные пололи с учителями. Осот вырывали, сил не хватало, пошла учительница и помогла вырвать. Я заплакала от бессилия.

Когда немного подросли, дали в руки литовку. Необходимо было выкашивать все овраги. Пасла коров без конца и края. Все работы переработала, только дояркой не работала.

С Яско Эльмаром как-то сеяли пшеницу. В «Третью бригаду» (название поля) нас отправили. Туда мы ехали на сеялках, проработали двое суток, потом отправились пешком домой (и хватило же сил).

Во время войны мы ели картошку, крапиву, немного давали муки, зерна. Весной находили в поле мерзлую и гнилую картошку. Мама все молотила, варила и мы ели. С поля приносили колоски пшеницы и овса. Все это собирали и ели. Голод был повсюду. Помню, как мама за 70 куриных яиц купила дом.

Пахали огороды на быках. Летом пауты на быках – кусают. Бык может со всей упряжью убежать. Зимой было еще труднее. Надо было возить корм на ферму. Бык мог и лечь полежать, отдохнуть, а ты замерзай. Тогда слазишь с саней и едешь рядом с ним.

Нас, детей, часто отправляли жать рожь. Необходимо было серпом срезать колоски, связать, поставить снопы. Я тогда сильно поранила палец, заплакала, побежала домой, мама забинтовала, а шрам на пальце так и остался. С тех пор меня и не посылали жать рожь.

Летом с Яско Лидой, Кемер Анной, Шелюхиной Альвиной пасли коров и домашних, и колхозных. Вот так молодость прошла. После войны хотелось вернуть молодость. Днем на колхозных работах, а вечером на танцах. Ох, я и любила бегать на танцы. Как только услышу гармошку, бегу «сломя голову». После танцев парни провожали нас домой. Я долго не выходила замуж. Все хотела танцевать и песни петь.

Везде я попевала.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Павлиной Марии Ивановны
(18.06.1932)

Мы военные сироты. Мама умерла в декабре 1941 году, а папу забрали в 1942 году в июне месяце. От папы не было ни одного письма (как в воду канул). Его считали без вести пропавшим. В семье было шестеро детей. Эмилия – старшая сестра, затем Зента, брат Арвид, я – Мария, Карло, Эрнест. Так как мы считались военными сиротами, нам на семью давали 9 килограммов муки из ржи и ячменя. Хорошее это подспорье для похлебки (разная трава, мука, вода, соль).

Держали мы корову. 600 литров молока в год приходилось сдавать. Очень хорошо если нам доставался обрат. Помню, как с сестрой Эмилией ходили ночью (днем работали в колхозе) косить траву для коровы. Сено складывали в копны. Сестра сказала, залезай на копну, увидишь своих тетюшек, которые жили в Бобровке.

Когда старшей сестре стукнуло 18 лет, нашей семье пришлось платить большие военные налоги. Землю под картошку копали лопатами. Напротив дома был амбар, хлеб туда привозили. На каждого человека выдавалось 300 грамм хлеба. Пекла хлеб наша жительница села Чулко Эмилия. Каждый килограмм муки был на контроле. Пеняли ее, если припек выходил небольшой.

Ходили пешком и босиком под Юрьевку полоть поля. Росло много осота. Голыми руками приходилось вырывать колючий осот. Осенью снопы вязали из ячменя. Колочки от ячменя врезались в пальцы рук. Повредила суставы. Так и остались на всю жизнь вывернуты суставы пальцев. Днем снопы, а ночью работали на паровике (молотилка для снопов). Паровик тащило шестеро коней. Три года подряд я посла телят и с Озолин Анной, и Калвен Луцией, и Матисон Ольгой. Зимой училась в школе. Первая моя учительница Эльвира Андреевна Озол. Русский язык преподавала Зоя Макси-

мовна Асимус (я ее очень любила). Директором школы был фронтовик Егер Владимир Андреевич.

Помню как мне, малолетке, за хорошую работу дали премию – чулки, платок, кусочек туалетного мыла. На каждую октябрьскую за труд меня награждали премией и пожимали ручку. Почет же был. Вот такая я работница. Колхоз назывался именем Энгельса. В деревню приходила газета «Ленинец». Газета состояла из одного листка. Помню, было написано там «Энгельский народ любит работать от зари до зари, а если потребуется, целые сутки».

Я не помню детства. Помню только, как играли в классики там, на горе. Мы были в школе, когда нам сказали, что закончилась война. Мы, дети, бежали с горы, в руках платочки, махали ими и кричали: «Ура! Война закончилась, Гитлеру капут».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Шталь (Нездилькиной)
Альмы Яковлевны

Родилась я в сентябре 1937 года (так сказала моя мама, Майя Карловна), а отец пошел, спустя некоторое время, в сельский совет и записал меня в метриках 10 октября 1937 года. Вот такая дата и осталась в паспорте.

Мама, Майя Карловна, работала на маслозаводе. Сбивали масло и отправляли на фронт. А еще на этом маслозаводе мама чистила картошку, резали ее на части, сушили на больших листах. Сушенный картофель тоже отправляли на фронт (я запомнила, как выглядел нож, которым чистили картофель – ручка была круглая, конец лезвия был раздвоен, чтобы снимать кожуру с картофеля, а конец был круглым и острым для вырезания глазков, этот нож у нас в семье долго хранился).

Мой брат Федор и житель деревни Николай Курец делали бочки для масла. А еще делали казеин (видимо, для промышленных нужд).

Дрова готовили для маслозавода сами работники. Вот однажды во время таких заготовок маме на ногу упала береза. Нога оказалась сломана. Маме наложили палочки (шины) затем замотали тряпочками (зафиксировали ногу). Может в наше время и спасли бы ногу, но в то время какие были врачи? Помню, как мама сидела недвижима дома, а мне приходилось рвать крапиву, лебеду для того чтобы приготовить кушать. Отца я не помню, но знаю по рассказам мамы, что он искусно выделывал шкуры (коров, овец, свиней и т.д.). Эти шкуры приходилось тоже сдавать. Уполномоченный по сбору продуктов для фронта, Чулко Арвид (видно, отец не все сдавал) заложил его. Отца забрали по линии НКВД. С тюрьмы приходили письма, писал, чтобы ему прислал бы в конверте крапиву, видно было очень голодно. Я думаю, он от голоду там и умер.

В нашей семье было восемь детей. Трое умерло. Остались братья – Иван (потом погибает на войне), Федя, Яша, сестра Анна и я, Альма.

Старший брат Иван уехал в Михайловку на заработки (каждый хотел заработать немного денег). Оттуда его забрали на войну. Получали письма с фронта (письма были написаны на латышском языке). Мой брат служил в 20-ой инженерно-саперной бригаде. Погиб 11 ноября 1944 в Латвии на хуторе Анмарье. В Книге Памяти эту запись нашла внучка Шталь Светлана Леонидовна.

Как-то к нам в деревню приехали представители из шахтерского города Прокопьевск. Завербовали брата Федора, там и живет по сей день. Ему сейчас 88 лет.

В годы войны пришлось много работать. Помню, как выдерживали осот голыми руками на хлебных полях (ох, колюч был осот).

С братьями ходила в лес, ловили бурундуков. У меня ловко получалось, кину палочку в бурундука – попаду. Он упадет, братья подбегут и поймают. Шкурки выделывали и продавали.

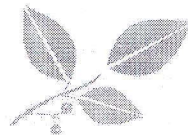
Летом с девочками ходили по ягоды и грибы. Помню, как играли в куклы (куклы были из тряпочек, а голову делали из растения, не помню, как она оно называлось, но у него была твердая шишечка). Зимой училась в школе. Мама плела мне из пакли (остатки льна) лапти (осталось в памяти как мама вязала). Вот в них я и ходила в школу. На ногах чулочки да лапти. Ноги мерзли. Обувь пристывала к ногам. В сильные морозы мама не пускала в школу.

Учительница, Татьяна Асмус, попросила у мамы, чтобы я присматривала за ее сыном. Детей трудно было прокормить, поэтому мама меня отдала в няньки. Когда учительница уходила на работу мне приходилось не только нянчиться, но и управляться по дому. Однажды все это надоело, и я убежала домой, оставив хозяйские капоши на крыльце дома. Бегу. Встречается на моем пути мужчина, страх не показываю, как поравнялись – дала деру. Бежать пришлось почти два километра. Два дня скрывалась.

Голод был повсюду. Помню, как сушили очистки картофельные на железной печи. Кушали. Очень вкусно было. Как-то раз эта железная печка упала на ногу. Обожглась сильно. Шрам остался на всю жизнь.

Первый наш дом сгорает. Потом жили у родственников, у которых было тоже восемь детей. Потом нас пригласили пожить в доме почтальона. Хозяева жили вдвоем – дедушка и бабушка. Наша семья довольно долго жила в этом доме. Затем, работая в колхозе, получила деньги и купила я дом, в котором вся наша семья жила. Хозяйка дома уезжала в Латвию и продавала этот дом.

Мама умела плести корзины и делала красивые деревянные ложки – все это меняла на продукты. Выживали, как могли. В памяти осталось, как в деревне все жители радовались победе. Друг другу улыбались, светились лица от счастья. Собирали сообща продукты и праздновали победу. А у кого погибли родные – плакали.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Кальнин (Афельд) Иды Эдвартовны

Я родилась 11 февраля 1939 года в селе Романовка Васисского района. Деревня небольшая, но в этой деревне была и школа и ферма. В Романовке я получила три класса образования. Учеба давалась мне трудно. Учю, учю уроки и ничего не запоминаю. Даже прятала книгу под подушку (так говорили, что лучше запомнится), а наутро ничего не помню. Учитель, Сергей Николаевич Мамиков, спросит меня домашнее задание, а я ничего не знаю. Сергей Николаевич говорил: «Садись, два. Останешься после уроков». Я очень часто оставалась после уроков. А когда надо было вступать в ряды «Октябрят» (мама не разрешала быть октябренок, а далее пионером и комсомольцем) учитель оставил меня после уроков за то, что я не хотела быть октябренок. Я просидела очень долго.

Отец Эдварт Фридрихович Афельд ушел на войну в 1941 году. Когда отец уходил на войну, я прибежала, обняла за ноги и не отпускала. Папа меня отшлепал и я горько заплакала. Отец не вернулся с войны. Погиб он в 1942 или в 1943 году (точно не помню). Мама, когда узнала, что отца убили, упала в обморок.

В семье Афельд родилось восемь детей. Трое детей умерло в младенчестве. Единственный брат Емельян ушел на войну в 1942 или в 1943 году и не вернулся. Мама, Гульда Фридриховна осталась одна с четырьмя детьми.

В начале войны забрали в трудовую армию двоих сестер Лиду и Августу. Затем забрали и маму. Остались мы с сестрой вдвоем. Сестре Эмилии было семь лет от роду, а мне три года. За нами немного приглядывали родственники. Маму потом все-таки отпустили (видимо помогло начальство).

Сестра Лида вернулась во время войны. Она сильно заболела, поэтому ее и отпустили. Сестра Августа вернулась в 1945 году.

В один обычный вечер я и сестра Эмилия сварили похлебку

для мамы. Мама приходила поздно с работы домой. И в этот обычный вечер вернулась сестра Августа из трудовой армии. Она была очень голодна и съела всю похлебку. Мы немного огорчились, но пришла мама, увидела дочь (мама не видела дочь пять лет) и тут было не до еды. Плакали и радовались. Августа принесла весть о Победе, об окончании войны. Она все жизнь говорила «нету праздника лучше, чем праздник Победы».

Голод был повсюду. Во время войны у нас была корова и поросенок, держали овец, были у нас и курицы. Молоко, мясо, яйцо сдавали на военные нужды. Нам ничего не оставалось. Очень радовались, когда в огородах вырастала морковь, свекла и другие овощи. Мама варила суп свекольный, немного добавляла картошку, а так как я не любила свеклу, садилась рядом с мамой и из ее же тарелки вылавливала все картошку. Нам выдавали пол мешка зерна на весь год. Мололи на жерновах, получалась мука. Несколько килограммов муки растягивали на весь год.

Помню, у нас в деревне была высокая гора. Кататься мы умудрялись не только зимой, но и летом. У нас была обувь (очень похожая на современные шлепки, но подошва из дерева, а сверху кусочек кожи из овечьей шкуры). Мы ее называли клезы. Когда клезы понатакаешь, становились скользкими. Ох, лихо мы катались с той горы!

Маме во время войны помогали пасти овец. Помню как бригадир, (а он жил на высокой горе и был без ноги) подставит палку под ногу и высматривает как пасутся овцы. А там, на поле, росла большая береза и в обеденный час овцы ложились спать. Мы, дети, убегали домой немного покушать, пока овцы отдыхают. Так бригадир выговаривал маме: «Смотри, как твои дети пасут овец, не отходят от березы».

Когда мне было лет 12, переехали жить в д. Курляно-Дубовку. Там я и продолжила учебу. Получила четыре класса образования. Долгими зимними вечерами садилась возле мамы и смотрела, как

мама прядет шерсть, вяжет носки. Вот так и я научилась прядь шерсть и вязать носки.

Мама, Гульда Фридриховна умерла на 83-м году жизни.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Клетке Елены Вильгельмовны (1939 - 2015)

Я родилась 10 марта 1939 года, в д. Замелетеновка Любинского района. Когда началась война, мне было два года и три месяца.

Меня сейчас подводит память, а поможет вспомнить прошлое по моим рассказам моя дочь Оля.

«В семье было шестеро детей. Эмилия – старшая сестра, брат Данил, сестра Ольга и моя мама Елена. Двое детей еще умерло до войны. Эмилии было 19-20 лет, когда началась война, Данилу – 17 лет, лет 13 было Ольге.

Когда моей маме было четыре года, отца уже не стало. Он умер в трудармии. Семья осталась без отца.

До трех лет мама не ходила на ножках. У нее был рахит. Ее мама, Розалия Ивановна (а моя бабушка), втайне от отца (деда) лечила ножки. Зарезали корову и посадили маму в требуху (внутренности животного) до самой шеи. С тех пор мамини ножки бегают по дорожке.

В военное время от голода спасала коровка и овощи со своего огорода. Когда садили картошку, моя мама говорила да приговаривала: «Вырастай быстрее картошечка, Лена кушать хочет». В детстве очень нравились лепешки из мерзлой картошки, потому что они были сладкие. Еда состояла из крапивы, лебеды и варили из нее баланду.

Мамин брат Данил и сестра Ольга пасли коров. Дома маму не с кем было оставить, и поэтому брали с собой на поле, в силу своего возраста, помочь пасти им коров.

Сестер мамы, тетю Милю и тетю Олю, забрали после войны в трудармию. Они восстанавливали разрушенное хозяйство.

Брат маминого отца, Емельян, заходил к нам в гости. Мы очень радовались, когда он приносил гостинцы.

Образование у моей мамы три класса. Мама хорошо помнит тексты многих песен. Часто напевает. Много знает шуток-прибауток, может в уме считать и даже читает газеты. Любит читать религиозные книги. Обеспечивает всю семью вязаными вещами.

В 1968 году мама переехала в д. Курляно-Дубовка. Повстречала свою судьбу Шалюхина Ивана Артемовича, с которым живет до сих пор. Воспитали двоих детей: сыны Виктора и дочь Олю.

Мама моя доброй души человек. Не пройдет мимо чужого горя. Всем посочувствует. Если есть возможность то и поможет.

Ветеран труда Омской области. Мама моя никогда не унывает. И дай Бог ей здоровья!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Афельд (Лемке) Оттилии Емельяновны

Лемке (крещена Наталья), изменено Оттилия Емельяновна, родилась 11.12.1929 года в деревне Александровка Седельниковского района.

Родители:

отец - Лемке Емельян Мехайлович. Родился 8.07.1903 года.

мать - урожденная Айхлерт Юлия Осиповна. Родилась 16.11.1900 года в деревне Литковка; Седельниковский округ, Егоровская волость.

(Архивные данные)

В 7 лет родители отдали работницей в «люди», а оплату за год вперед за нее выбрали и уехали в Любинский район, на новое место жительства, с условием, через год вернуться.

Больше никогда в жизни Юлия их не увидела. Так же не увидела двух братьев: Рудольфа и Федорова, сестру Кристину.

Всякую работу приходилось выполнять девочке Юлии: нянчиться с хозяйскими детьми, управляться со скотиной, пасти скот. Когда ей исполнилось 12-13 лет, хозяин показал, как надо резать скот: овцу, свинью или теленка. С тех пор эту ужасную работу делала девочка-подросток.

Когда ей исполнилось 22 года ее выдали замуж за 19-го Ленке Емельяна. При этом наградили её неплохим приданным: 2 коровы, 6 овец, перину, 2 подушки, покрывала и одеяло.

Отец Натальи - Ленке Емельян Михайлович, 1903 года рождения, родом из Украины, Волынской губернии, село Милешеево. Был привезен в 1907 году с сестрой Альвиной (1901 года рождения) родителями в Сибирь на «русские земли». Так тогда называли неосвоенные земли Западной Сибири, то есть Урмана.

После того как вышел указ, изданный премьер-министром П.А. Столыпиным от 9 ноября 1906 года «Переселение крестьян на

свободные земли», родители: Лемке Михаил Мехайлович (1870-1940 г.) - отец Емельяна и жена Мария (1866 г.), с двумя детьми отправились на бесплатном ствольпинском вагоне в далекую Сибирь. Полагалась денежная выплата приезжающим сюда с низким процентом выплаты.

Они обосновались в 3-х километрах от деревни Литковка (она образовалась в 1900 г), получили наделы в деревне Александровке по 7 га на каждого мужчину в семье. Полей чистых не было, их приходилось отчищать от леса, то есть корчевать деревья. Делали это все вручную.

В 1913 году призвали отца на службу в кавалерию. В 1914 году началась «Первая мировая война». В 1915 году при падении с лошади, она наступила ему на живот и вспорола кишки. После лечения в лазарете врач выдал ему широкий солдатский ремень для поддержки кишок живота, впоследствии, с помощью которого он жил и работал по мере сил.

Надо сказать, что дед Наталии, Михаил Михайлович, был грамотным. На Украине работал в начальной школе. Обучал детей грамоте. Знал и писал на немецком и русском языке.

Придя с фронта домой, через год 16 ноября 1916 году, родился шестой по счету ребенок, девочка Августина, по-русски звали Устинья. На то время жене было 50 лет, отцу 46 лет.

Его жена Матцик Мария (бабушка Наташи, отчество не известно). Мария Матцик имела в девичестве чешскую фамилию, так как отец ее был чехом, мать - немка. Мария была образованной девушкой. Знала несколько иностранных языков: польский, немецкий и русский. До замужества на Украине она служила у знатных людей - горничной.

В семье Лемке Михаила и Марии родилось 6 детей:

В семье Лемке Михаила и Марии родилось 6 детей:

1. Дочь Альвина (1901 г.), родилась на Украине.
2. Сын Емельян (1903 г.), родился на Украине.

3. Сын Самуил (1907 г.), родился в Сибири.

4. Дочь Эмма (1909 г.), родилась в Сибири.

5. Дочь Августа (Устинья 1916 г.), родилась в Сибири.

6. Сын Рудольф родился в Сибири.

Дедушка и бабушка похоронены в деревне Бобровка, Тарского района.

В семье Лемке Емельяна и Юлии (родителей Натальи) родилось 7 детей:

1. Брат Иван (умер вскоре после рождения).

2. Дочь Наталья (Оттилия), 11.12.1928 г.

3. Фридрих (Федор), 1927 г., похоронен в д. Екатериновка.

4. Август (Володя), 1932 г., умер в Германии г. Дессау.

5. Эмануил - умер в 4 года, похоронен в д. Бобровка.

6. Ванда (Валя), 1937-1943 гг., умерла от тифа, похоронена в д. Ивлево.

7. Альберт, 1939-1943 г., похоронен в д. Бобровка.

Еще в начале 30-х годов стали создаваться колхозы. Собрав людей на сход односельчан, стали уговаривать вступить в колхоз. Так вот папа Наталии первым поднял руку. Следом за ним подняли руки еще несколько человек. Вскоре по домам вступивших в колхоз хозяев приходили чужие люди и отписывали все хозяйство, которое забиралось в колхоз.

Папу назначили бригадиром колхозным и отправили учиться на 3 месяца в поселок Большеречье. Дома жена и дети голодали, сидели без молока и мяса. Проработав 2 года в деревне Александровка, он уговаривает переехать семью в деревню Бобровка. Это был 1935 год. В Бобровке был свой колхоз. Тогда в каждой деревне был свой колхоз и свой председатель. Это был уже третий переезд - Анготроп. Переезжая с места на место семья теряла и без того скудное хозяйство и нажитое имущество. Из-за этого семья, маленькие дети вынуждены были голодать. Особенно трудно и голодно было на лесоучастке Анготроп. Дети сами себе иска-

ли пропитание: крапива, медуница, одуванчик. Первые весенние грибы сморчки были особым лакомством. Их отваривали и ели. Иногда вместе со сморчками дети находили грибы строчки, их так трудно отличать. Наевшись, дети опухали, отекали, и от этого слабели еще больше.

Когда началась война, Наташе было 11 лет, старшему брату Феде - 13 лет, а младшему Володе - 11 лет. Утром отец отправился в село Мартюшево. Там находилась контора, относящаяся к лесоучастку Ангортоп, где жила в это время семья. Переехали они из Бобровки в 1940 году оттуда и принес домой это страшное известие: «Война! – сказал он. И что теперь этим немцам будет?!» («немцы» - люди немецкой национальности, проживающие в нашей стране). Им и действительно было труднее чем русским. Мужчин, женщин, несмотря на то, что дома куча детей, мальчиков и девочек немецкой национальности с 14 лет забирали в трудармию. Там их определяли на заводы, в шахты и другие предприятия. Работали дети наравне со взрослыми.

5 мая 1942 года забрали в трудармию отца Наталии. С ним сразу забрали и его родного брата Самуила - самого лучшего пекаря хлеба в селе. Несколько лет назад умерла его жена Берта. Осталось трое детей: Эмилия (Миля), Оля и Данил. Данил женился вторично на Вакенгут Анне. У нее самой было 6 детей, и в совместном браке родилось еще двое: Андрей (живет в Украине, Луганске), Август (умер на втором году жизни). Вторая жена Анна за своими детьми смотрела, а дяди Самуила дети вынуждены были попрошайничать и скитаться. Сколько могла, помогала им их тетя Юлия. Периодически они приходили к ней оборванные и вшивые. Тетя Юлия топила баню, мыла их и парила их бельё, чтобы освободить от вшей. Дети между собой были очень дружны. Наташа особенно дружила с сестрами Милей и Олей. Оля жила в няньках у одной женщины. Та держала её до 15 лет. Миля жила у тети Устиньи, затем у тети Эммы. Со страхом ждала мама, что её заберут тоже в трудармию.

Но, видимо, никто не донёс на неё, что она немка. И ещё помогло то, что семья жила среди русского населения, поэтому обошлось. Тётю Устинью не взяли, так как она выходила замуж за русского Малахова Михаила Егоровича. Он был призван в первые месяцы войны и пропал без вести. Тётя Эмма тоже была замужем за русским Баранушкиным Василием Егоровичем. К тому времени у них было 2 дочки: Катя и Валя. У мужа Василия была бронь, так как он был кузнецом. Решив, что он облегчит жизнь своей семье, с них снимут непомерные налоги, ушёл на фронт. Василий погиб в 1944 году в Венгрии.

Отца не стало. Мама целыми днями работала на лесозаготовках. Дети оставались одни. Ведь здесь не было у них никакого хозяйства и даже огорода. Сколько смогли дети вскопать и посадить, этого хватало только на осень. В один из дней мама сказала детям, что она пойдёт за пайком. Паёк составлял 24 килограмма немолотой ржи. Каждый день дети ждали маму. Но проходил день за днём – мамы не было. Дети питались травой. От голода становилось невыносимо. Иногда силы покидали детей, они впадали в голодные обмороки. Кое-как забравшись на холодную печь, Наташа уложила обессиленных братьев и сестру. Она закрыла их какими-то тряпками. Сама легла рядом, прекрасно понимая, что утром у неё, да и у братьев, встать сил уже не будет. И, значит, они умрут. Придёт мама, и не застанет их в живых. От этой картины на душе становилось у Наташи ещё хуже. Она тихонько плакала, чтобы не разбудить братьев и маленькую сестру. К счастью, ночью с пайком вернулась мама, растопила печь и разбудила детей. Сварила жиденькую кашу и накормила голодных детей. Это спасло их от смерти. Потом мама объяснила причину своего долгого исчезновения. Придя за положенным пайком в село Знаменка, а это 50 километров от дома, её заставили 2 недели грузить баржи. Несмотря на все мольбы об оставшихся дома детях, её никто не слушал. В ответ: «Война! Мужчин нету. Отработаешь - получишь!»

Дети с матерью, оставшись без отца, решились переехать в древню Ивлево (сейчас её нету). Там жила сестра мужа Устинья. Хотя муж ушёл на фронт и давно не было известий от него, тётя продолжала жить с его родителями. Они её очень любили, так как она была работящей, чистоплотной и хорошо к ним относилась.

Собрали свои кузовки, погрузили на тележку и поехали в Ивлево. Попросились на квартиру Гришкевич Григорию и Матрёне. Это были старички на седьмом десятке. Они разрешили временно пожить у них. Но сразила страшная болезнь – тиф! Первая заболела Наташа. Долго пролежала в забытьи, лишь иногда приходила в сознание. Однажды придя в сознание, поняла, что рядом лежит мама без сознания. А сестрёнку Валю обмывают и кладут в гробик. Больше Наташа ничего не помнила, очнулась только на 12 день. Всё это время, пока они болели, за ними ухаживали два братика и тётя Устинья. Благодаря им ей и маме удалось выжить!

В деревне в тот 1943 год умерло 22 человека. Умерла и подружка сестрёнки Краснова Валя в 6 лет, Самоделова Валя - 2 года. Тиф свирепствовал по всей стране.

Выздоровление шло долго и мучительно. Ноги у Наташи и мамы плохо слушались. Если бы питание было бы мало – мальским... Да где его взять?! Чуть оправившись, мама пошла в колхоз и нанялась пасти частный скот. За летний сезон можно было заработать 4 ведра картофеля! «Живых» денег ни у кого не было.

Семья стала думать о том, что хорошо бы занять свой дом. Услышали, что Зоя Спиридонова продаёт свой дом, а сумму просит за него 2000 рублей. Это была по тому времени большая цена. Взять семье их неоткуда. Нашёлся покупатель по фамилии Ступак. С одной ногой он вернулся с фронта. Но председатель Малахов Дмитрий Семёнович, зная бедственное положение семьи, выдал задаток 1000 рублей. Остальные деньги семья отдаст позже. Не было пределов радости у детей. Ослабленные долгой болезнью и плохим питанием, все дружно взялись за освоение дома и огорода.

Мир не без добрых людей. Так и односельчане несли кто пол ведра картофеля, кто семена моркови и свеклы. Словом огород был засажен.

Люди дивились на эту дружную и работающую семью. Феде к тому времени исполнилось 15 лет. Он научился реставрировать чугуны. Со всей деревни пошли заказы. А соседке Федосье Марчук сделал из жести печь. Платили, кто чем может. Кто холст на рубашку, кто картошку, а однажды за выполненную работу дали курицу. С этой курицы и пошло у них хозяйство. Но не только мастерством своих рук прославился Федя. К этому времени неплохо овладел игрой на гармонии. Ему выдали колхозную гармонию, веселить людей по праздникам. Младший Володя выпросил у Самоделовой Марины балалайку в обмен на мамин чемодан. Вечерами садились братья у своего дома и начинали играть. Пел Володя. У него был звонкий и чистый голос. Заслышав музыку, собирались девки и парни. Часто молодёжь забирала с собой подростка играть им на вёчерке. Люди в деревне нарадоваться не могли: «Какие работящие и рукодельные дети у бедной Юлечки!»

К осени 1943 года Наташа мечтала пойти в школу, но услышав наказ отца: «Мальчишек надо учить, а девочка обойдётся, ей работы и дома хватает!», всплакнула и больше не настаивала. Знала, что родители строгие. Раз так решили, значит так и надо. Но зато с какой радостью собирала она братьев в школу. Овечьими ножницами остригла им волосы и причесала. У младшего Володи не было рубашки, и она отдала свою единственную кофту. Конечно, кофта была ему велика, но девочка быстро сообразила, верёвочкой подпоясала.

Как завидно было ей, когда она видела идущих в школу детей. Уходя на работу, мама давала Наташе много заданий по дому. Чтобы не видеть, как ребята идут в школу или играют на улице, она зашторивала занавески на окнах. Однажды, зайдя в дом, Федосья Марчук увидела Наташу за прялкой, всплеснула руками: «Наташа,

ты словно старушка целыми днями прядёшь!». И Наташа увидела в глазах у женщины блеснули слёзы...

Наташе исполнилось 13 лет, а весной к ним домой пришли заведующая фермой Колесникова Анастасия Фёдоровна и новый председатель колхоза Иванов Пётр Иванович. Они стали уговаривать Наташу идти работать на ферму телятницей, так как заметили, что девочка толковая, работающая и старательная. Она согласилась. Когда вернулась мама с работы, схватилась за голову: «Я из-за тебя сяду в тюрьму! Не справишься, будет падёж, чем платить будем?». Тут и проявила свой характер Наташа: «Пойду и всё тут!». И правда, на утро пришла на ферму. Приняла от доярок 36 телят двадцати дневного возраста и начала свою трудовую деятельность. Очень прислушивалась к советам женщин. Да и те помогали, кто советом, кто делом. Сильно старалась Наташа и вырастила всё стадо.

Вскоре состоялось колхозное собрание! Сильно хвалили Наташу за добросовестную работу. Там и решили выдать в качестве премии тёлочку из своего стада. Все колхозники проголосовали за это решение. Наташа выбрала любимую тёлочку Броню. Через год она отелилась, и семья была более - менее обеспечена молоком. Но, имея корову, колхозник должен был отдавать налог топленым маслом 12,5 кг. За выращенный урожай картофеля приобрели поросят и пару овец.

Как-то раз Наташа пасла своих телят, напевая песенки. Телята для неё были зрителями. Они и вправду поднимали головы и слушали, так казалось ей. Вдруг видит, идёт к ней пожилой мужчина чисто одетый. Как потом она узнала, что это был директор Баженовской школы. В эту школу за 12 километров ходили из села. Он сказал:

- Девочка, бросай телят и иди в школу, тебе надо учиться!
- А кто за телятами будет ухаживать? - спросила Наташа.
- Это не твоя забота. Я жду тебя в школе!

Но в школу Наташа так и не пошла. В колхозе сильно нуждались в рабочих руках. Не сильно хотелось им терять такую работницу.

Часто Наташа пасла своих телят возле кладбища, на котором похоронена сестрёнка.

Наевшись, телята ложились отдыхать. А Наташа бежала к могилке сестры Вали и причитала: «Вот была бы ты жива, ты бы мне во всём помогла». Люди в деревне стали замечать и говорить матери Наташи, что не только днём бегают, но и вечером, после заката солнца. Однажды Наташе почудился громкий, как эхо, голос, и ночью она не могла уснуть. Узнав об этом, мама и женщины объяснили ей, что нельзя постоянно ходить на кладбище и тревожить покойников, тем более, вечером. Наташа это уяснила.

Наконец-то пришло долгожданное письмо от папы. Пять лет не было от него вестей. Думали, что его нет в живых. Он писал, что жив, здоров, а вот его брат Самуил умер от изнеможения и голода. Похоронили тут же, где и работал, на берегу реки «Кондо». «Возможно, меня отпустят!» - писал отец.

И правда, в 1947 году он приехал в отпуск. Увидел, что семья живёт и не бедствует. Дети подросли и сами стали зарабатывать на хлеб. Побыв недолго в отпуске, стал собираться в дорогу на прежнее место работы в Прииск - Спасск. Сильно наскучавшись без отца, Наташа стала проситься взять её с собой. Отец согласился. Пришлось зарезать поросят, приготовить провизию в дорогу. История отъезда в далёкий, неизвестный для неё мир заслуживает подробного описания, так как показывает, насколько было тяжелое, послевоенное положение в стране.

Разруха, нищета, голод толкали многих людей на воровство, а порой и убийство ради куска хлеба. На все смотрела девушка с интересом, порой с удивлением, а порой и страхом. Погрузка парохода вызвала немало интереса: грузили скот, сено, вещи, ящики с продовольствием. А сколько людей поместилось, просто уйма! Четы-

ре долгих дня плыли до города Омска. Впрочем, сутки пришлось простоять. Пароход сел на мель. Только когда пошел буксир, поплыли дальше. В Омске сели на поезд. Доехали до города Новосибирска. И вот тут-то и началось! 12 долгих дней не могли уехать. Продукты экономили, как могли. Здесь Наташа нагляделась таких ужасов, что и сегодня помнит, как своими глазами видела, как режут карманы бритвой у сидящего рядом мужчины, едва тот задремал. Хотела крикнуть; но ей подставили нож к горлу. Забрали и у неё сумку с вещами и продуктами, пока отца рядом не было. Не жаль ей было продуктов, они и без них обойдутся, а вот два новых платишка! Ведь она их одевала по праздникам! Случайно разговорившись с незнакомой женщиной, отец поделился, что не могут купить билеты. Люди штурмом брали билеты в кассе. Она посоветовала в открытом вагоне (телячьем) доехать 30 километров до станции «Татарка», а оттуда проще уехать. Так и сделали. Стали уже холодные ноябрьские дни. Холодный ветер пронизывал тело. Ноги и руки заоченели. Но Наташа не ныла. Она не привыкла жаловаться. Ведь рядом её родной папка! Оттуда смогли уехать до города Сталинска (теперь Новокузнецк), затем на город Таштоголи только потом до города Прииск – Спасск. Там отец работал на лесозаготовках. Сплавливали лес по реке! В тех местах в летнее время велась добыча золота. Подходя к дому, отец открылся дочке: «У меня здесь другая женщина. Называй её мамой». Слезы, обида на отца, жалость к маме! Знала бы она это раньше, разве поехала бы в этот жестокий мир? Послушная дочь сделала так, как просил отец. Мачеху звали Евдокия Черемисова. У мачехи было две дочери: Зоя и Валя – школьницы. Сын Федя служил в Армии.

Холодно приняла Наташу мачеха. А наутро повела и устроила девушку на почту охранником. Ей выдали винтовку. (Винтовка была не заряжена). Очень страшно ей, 16-летней девушке, охранять здание ночью, прислушиваясь к любому шороху. Однажды она сильно замёрзла, зашла в каптёрку погреться. Не заметила, как за-

дремала. В этот момент застал её проверяющий. Наташу отстранили, сказали: «Скажи спасибо, что ты несовершеннолетняя, а то бы посадили!»

Пошла с отцом на лесозаготовки. Надо зарабатывать паёк. Вместе со всеми рубила сучья, подтаскивала верёвками деревья к реке, а дальше сплавливали по реке.

Никак не могла Наташа смириться с этой невыносимой жизнью здесь: злая мачеха, крошечный паёк за работу и вся работа по дому на ней. А из дома очень часто приходили письма от братьев. Особенно слезливо, корявым почерком писал младший: «Милая сестрёнка, возвращайся домой! Мама плачет! Нам без тебя плохо!»

Стала уговаривать отца: «Папа, просись, чтобы тебя отпустили! Дома есть корова, есть что кушать!»

До сих пор Наталия Емильевна не может понять, почему отец был такой нерешительный и безынициативный! Ни разу не пошел в контору, не подал сам заявление об уходе. Все это делала неоднократно безработная 16-летняя девушка. Отработав 1 год 7 месяцев, все-таки подписали заявление. Наташа была счастлива.

История поездки домой не менее теплая, трудная и длительная. Она и сейчас отчетливо помнит, как добиралась пешком, проходя в день по 50 км. На ночь просились в какой-либо дом. Родные люди встречались. Кто пустит и накормит, а кто и выгонит. Но последний день в пути они прошли 100 км. Переночевав в деревне Большереченского района, дошли до деревни Баженово. Там и заночевали. А это почти дома. Встали пораньше и хотели быстро идти. Ноги Наташи отказывали, пока не размяла их. А вот и родная деревня Ивлево. Много сельчан, узнав о возвращении Наталии и отца, встречали на дороге и потом приходили домой. Отца встречали сдержанно, а Наталью, как настоящую героиню. Каждый подходил и обнимал ее. Женщины говорили: «Вернулась наша птичка домой! Папку с собой привела! Дома - то лучше!»

Никому не рассказывала Наташа, что у отца была там другая

женщина. Только старшему брату поделилась об этой истории. Федя затаил свою обиду на отца и рассказал матери. В ответ услышал: «Я наоборот ей благодарна за то, что мой муж жив. Ведь его родной брат Самуил не выжил на свой скудный паек!» И больше никогда не слышали дети слова упрека от мамы.

На этом история переездов не закончилась. В скором времени еще один переезд. Всего 3 дня пробыл отец, ему необходимо было срочно менять паспорт. Он отправился в район. А район с 1940 года был в Васиссе. Вся заиртышная зона относилась к Васисскому району. Туда и отправился папа. Жена и дети 2 месяца были в неведении, пока не получили от него письма. Папа написал, что находится он на недавно открывшемся лесоучастке Пихтовском. Что он устроился конюхом, и что зарплату выплачивают наличными деньгами, и что он вышлет их им за уплату налога на имущество. Но обещанные деньги отец так и не выслал. Пришлось продать любимую корову кормилицу Броню. У семьи не было «живых» денег, как сейчас говорят. Ведь в колхозах получали только палочки - трудодни. И только в конце года на полученные трудодни выдался минимальный процент того, что выращивал колхоз. Колхоз сдавал зерно Родине, а те крохи, что остались, оставляли на посев и делили между колхозниками.

В их семье работников было уже 4. Наташа по-прежнему работала телятницей на ферме после возвращения с «большой земли». Они все заработали много трудодней и получили: 3,5 центнера пшеницы, 3 ц ржи, 2 ц овса, 30 кг гороха. Всего 9 центнеров, и это очень неплохо для семьи. Будет семья и с хлебом, можно и поросенка продержат. Все налоги семей были выплачены. Они собрали и сдали положенные на 1 корову 12,5 кг топленого масла, с 1 овцы – 2 шкуры, со свиньи – шкуру, яиц - 100 штук.

Сколько слез пролила Наташа в обиде на отца. «И здесь не смог помочь! Нельзя на него надеяться!» Это Наташа, да и вся семья поняли.

И опять Наташа отработала год без падежа. Наташу и двух девушек отправили на этот же лесоучасток. Колхоз обязан был посылать людей на временные работы. Какую работу только не выполняла Наташа: штукатурка домов, грузчиком в магазине (мешки с сахаром и мукой были тогда по 100 кг). Наташу и тут заметили и вызвали в контору, предложив возить лес на лошади. Конечно было страшно, она никогда не управляла лошадей. Но и эту профессию освоила Наташа, быстро запрягала и распрягала лошадь. Лошадка настолько привыкла к ней, что других она не хотела слушаться и подчиняться. Работа была тяжелая. Девушка в свои 20 лет работала лесовозом. Не ныла и не жаловалась. А на собраниях одни похвалы. Даже 2 путевки в санаторий предлагали. Боялась Наташа ехать, а больше из-за того, что безграмотная.

А поселок рос, как на дрожжах. Работало уже 2 магазина. В магазинах было все: крупы, мука, сахар, печеный хлеб (булка 2 кг), даже фрукты, различные ткани, ковры, паласы. Чего раньше люди и в глаза не видели. Снабжался поселок на I категории. Стране нужен был лес.

Открылся новый ДК. Был создан большой хор, в основном из сосланных украинцев. Руководил хором Щетинин Дмитрий Дмитриевич. Он был и директором поселка. Открылась столовая, детский сад, школа, открылась и вечерняя школа рабочей молодежи. Наташа начала посещать, но, наработавшись за день, сил просто не оставалось. Нормы выработки вывозки леса были такие высокие, что приходилось трудиться с раннего утра, до позднего вечера. Учеба не получилась. Вся семья уже жила в своем доме. Они построили сами. Лес выдался всем, кто хотел строиться. Кто не хотел - давали квартиры.

Сюда в поселок перебралась тетя Устинья. Она похоронила родителей мужа, погибшего на фронте. Одной ей без поддержки близких стало тяжело жить. Немногим позже перешли ходом из деревни Дубовка, держа корову за поводок, и с котомками в руках тетя

Эмма с дочкой Катей и Валею. Ей дали небольшую квартиру. Опять вся семья была в сборе.

Хотя не пришлось учиться Наталии, путем самообразования научилась хорошо считать, складывать и отнимать, никто не мог с ней сравниться в счёте, хорошо считала в уме быстро. Читать выучилась по слогам. Отличная память на цифры, на даты, на происходившие события. Помнит свои, 88 лет, как будто это было вчера.

Неоднократно выбиралась сельским депутатом. Ходила на сессии, и вместе с другими депутатами решала проблемы сельчан. Никто и не догадывался, что ни одного законченного класса у Наталии Емельяновны за плечами нет.

Там, в селе Пихтовое, Наталия вышла замуж за Егоровского Афельд Е.Г. У них родилось 4 детей. Здесь она прожила свою долгую жизнь. Вскоре после Наталии поженились и братья. Разъехались по разным сторонам. Родители Наталии еще долго жили в Пихтовое. Купив не большой домик не далеко, перевезла их к себе. Здесь они дожили до смерти и похоронены. Муж Наталии Емельян умер в 1977 году, похоронен здесь же. Позже Наталия Емельяновна забрала к себе престарелую, тетю Устинью. Ведь она ей жизнью обязана, так она считала. Тетя прожила 18 лет с племянницей. Похоронена в деревне Егоровка.

Автор: дочь Попова Валентина Емельяновна

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Ерик Валентины Васильевны

В 2017 году моей прабабушке Ерик Валентине Васильевне исполнилось 88 лет. Какую же долгую жизнь она прожила и как много видела! А я о ней так мало знаю: Как она училась в школе? Какой у неё был любимый предмет? Кем она работала? Кто были её родители? Мне стало очень интересно найти ответы на эти и другие вопросы, и я решила написать её биографию. Я стала расспрашивать прабабушку, рассматривала старые фотографии, слушала истории о её жизни, о жизни её родителей, и поняла одно – почти всю свою жизнь, начиная с раннего детства, она трудилась не покладая рук.

Родилась Валентина 16 сентября 1929 года в деревне Егоровка Тарского района, о чём рассказывает она сама и доказывает потёртое свидетельство о рождении. Отец Василий был крестьянином, до войны работал в колхозе на лошадях. Мать Прасковья работала на смолокурном заводе, позже дояркой.

Валентина - второй ребёнок в семье. Всего их было четверо: 3 девочки и 1 мальчик. Ходила в школу в деревне Егоровка. Учёба шла легко, любимым предметом была алгебра. После окончания 4 класса школа в Егоровке сгорела, и все дети ходили пешком учиться в деревню К-Дубовка, что в 4 километрах от Егоровки. Валя закончила 7 классов.

Когда началась Великая Отечественная война, ей было 11 лет. Отца забирают на фронт в августе 1941 года. Детство обрывается сразу же. Все военные годы она с братом и сёстрами помогают матери дома по хозяйству и на ферме. Весной, летом и осенью она вместе с другими подростками работает в поле, на сенокосе. Зимой помогает при заготовке дров. «Жили трудно во время войны, - вспоминает прабабушка, - но сильно не голодали. Хотя лепёшки с лебедой помню до сих пор.»

Когда закончилась война, прабабушке было 16 лет. «Слава Бо-

гу, тятя (это так она называет папу) вернулся с войны живой.

В 16 лет Валя была вынуждена пойти на работу, так как не было средств на учёбу, да и старшая сестра Мария уже училась в Таре на ветеринарного врача. Трудовая деятельность моей прабабушки продолжилась на ферме дояркой.

В 20 лет Валентина выходит замуж за парня из соседней деревни, который работал трактористом в Егоровке и жил по соседству на квартире у бабы Анатоли. Жили в доме с родителями. Через полгода Андрея забирают в армию. Служит он на острове Сахалин в Морфлоте 3,5 года. В 1953 году возвращается на родину и начинает строительство нового дома для своей семьи. Стройка идёт 2 года и в 1955 он с женой Валентиной переходит в собственный новый дом.

В 1956 году в семье рождается первенец Александр, в 1962 году дочь Люба. Андрей работает трактористом, но вскоре, после тяжёлой операции на сердце, его назначают механиком. Через год он опять попадает в больницу, ему дают 2 группу здоровья. Работать механиком по состоянию здоровья ему нельзя, его назначают парторгом.

В 1969 году Валентину Васильевну избирают депутатом Егоровского сельского Совета. В 1977 году прабабушка учится и получает аттестат по профессии «Мастер машинного доения».

Дети учатся, растут. Сын женится в 1978 году и живёт рядом, дочь выходит замуж в деревне Ермаковка в 1981 году. Прабабушка рассказывает, что с мужем жили хорошо. Андрей был хорошим хозяином и настоящим изобретателем. Но по состоянию здоровья уже в 45 лет оказался на пенсии по инвалидности. Из-за перенесённой операции на сердце тяжёлый физический труд был ему противопоказан, и поэтому он занимался кухней и полезными изобретениями для дома. Вся же физическая работа была на плечах Валентины: надо было успевать и дома, и на работе. Держали тогда по 2 коровы, отару овец, свиней, кур. Уставшая от утренней, обеденной

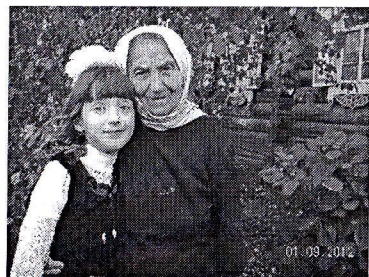
и вечерней доек прабабушка приходила домой на готовый ужин, как в столовую. Сама любила стряпать булочки с начинкой. Успевала заниматься рукоделием: пряла шерсть, вязала носки, варежки, крючком вязала кружева, вышивала наволочки, скатерти, полотенца. Так и крутилась, «как белка в колесе». Но её муж Андрей тяжело болеет и последние полгода он всё реже встаёт с постели, его мучают сильные боли в спине. 9 января 1988 года, ему было всего 56 лет - он умер.

Через год к прабабушке сватается вдовец: Лебедев Николай Иванович. Они сходятся и живут вместе в доме прабабушки, оба уже на пенсии, но держат хозяйство (лошадь, овцы, свиньи, куры). Летом они главные на сенокосе: Николай на конных граблях, Валентина на скирде. Она всегда делала самую главную работу – вершила. Осенью и весной обхаживали огород: садили, пололи, окучивали, копали. Любили ездить по ягоды и грибы. Так и прожили 8 лет. Но в августе 1996 года Николай с тяжёлой одышкой попадает в больницу, а 8 сентября его не стало. С тех пор прабабушка живёт одна.

С самой молодости моя прабабушка была передовой дояркой. Много лет доила коров руками, много позже появилась дойка, но «не все коровы допускали себя до аппарата». В 1984 году Валентина Васильевна награждена Почётной грамотой «За плодотворную, долгую работу в животноводстве и в связи с 55-летним юбилеем».

Несколько раз награждалась денежными премиями. Трижды избиралась депутатом Егоровского сельского совета (1969 г., 1982 г., 1984 г.). Имеет звание «Ветеран труда». За свой добросовестный и многолетний труд награждена медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

В 2002 году родилась я, её первая правнучка. Теперь у неё уже четверо правнуков. Когда я была маленькой, она часто нянчилась со мной, потому что родители, бабушка и дедушка работали. Она и сейчас всегда спросит о делах в школе, купит мне что-нибудь вкусненькое, даст денег на карманные расходы. Я её очень люблю.

Я с прабабушкой Валей

Я узнала, что моя прабабушка была не только труженицей тыла во время Великой Отечественной войны, но и в мирное время. Это доказывают её награды. Полученный материал я оформила в виде памятного альбома для своей любимой прабабушки и подарила ей на 88-летие. Мне хотелось бы рассказать и о прадедушке.

**Ерик Андрей Иванович
(04.10.1931-08.01.1987)**

Ерик Андрей Иванович родился в деревне Юрьевка в семье крестьянина. Отец Иван работал на кирпичном заводе. Мать Ольга работала на ферме.

В то время шло раскулачивание зажиточных, по тем временам, крестьян. Их семью могли тоже раскулачить, а отца Ивана расстрелять. Поэтому Ерик Иван оставляет жену и четырёхлетнего сына и бежит на Дальний Восток, чтобы не нашли. Ольга вскоре снова выходит замуж. Новый муж Александр Андреевич Ольман принимает Андрея и воспитывает как собственного сына. В новой семье рождаются ещё трое мальчиков: Оскар (1940), Иван (1941), Михаил (1946).

Андрей получил образование 7 классов. Когда началась Вели-

кая Отечественная война, ему было 9 лет. Отчима забирают на фронт сразу же 23 июня 1941 года. Андрей остаётся в семье за старшего, помогает матери по дому, следит за братом Оскаром, которому всего 1 год. А через месяц с небольшим, 3 августа, рождается младший брат Иван. Военные годы проходят трудно, как и у всех жителей села. Отчим возвращается с войны живым.

После, молодым парнем, Андрей работал в деревне Егоровка трактористом. Так как своего жилья в деревне у Андрея не было, то он, с другими парнями, жил на квартире у бабы Анатоли.

В 18 лет он женится на Раловец Валентине, которая жила в Егоровке. Жили они с родителями Валентины. Через полгода Андрея забирают в армию. Служит он на острове Сахалин в морфлоте 3,5 года.

В 1953 году возвращается на родину и начинает строительство нового дома для своей семьи. Стройка идёт 2 года и в 1955 он с женой Валентиной переходит в собственный новый дом.

В 1956 году в семье рождается первенец Александр, в 1962 году дочь Люба. Андрей продолжает работать трактористом, но вскоре, после тяжёлой операции на сердце, его назначают механиком. Через год он опять попадает в больницу, ему дают 2 группу здоровья. Работать механиком, по состоянию здоровья, ему нельзя, поэтому он работает парторгом. Кроме того, он работает начальником на подстанции: гоняет электричество с 5 утра до 12 часов ночи. Работает через сутки. Затем и вовсе, по состоянию здоровья, Андрея отправляют на пенсию (50 рублей). Ему всего 45 лет.

Андрей был хорошим хозяином и изобретателем. В 70-х годах он первый в деревне покупает телевизор. «Было очень много народу, когда ставили антенну, а потом все смотрели это чудо техники: было очень интересно, что оно и показывает и говорит», вспоминает Валентина. Телевизор «Изумруд» поставили в третьей комнате и каждый день в дом стали приходиться односельчане, чтобы посмотреть передачи и фильмы: кто располагался лёжа на полу, кто,

сидя на табуретах. Первым он купил и стиральную машину, затем, вместе с односельчанином, газовую плиту. Была у него и машина «Запорожец», которую ему отдал (продал) его отчим. Машина отчиму была дана от государства как инвалиду Великой Отечественной войны.

Будучи заядлым любителем леса, он часто ездит по грибы и ягоды, знает весь лес в округе. Он любил заниматься кухней: сам варил, жарил, тушил. Жена приходила домой с работы на всё готовое. Охоту любит меньше, но бывала на столе и лосятина, и лесная птица.

Дети учатся. Сын Александр в 1972 заканчивает 8-ми летнюю К-Дубовскую школу, потом 2 года работает в колхозе. Перед армией в 1974 году учится в ДОСААФ на шофёра. Осенью 1974 года его забирают в армию.

В 1978 году Александр женится на молодом агрономе Татьяне, которая по распределению попадает в Егоровку из соседнего Большереченского района. В 1978 году и появляется первая внучка Наталья, в 1980 внучка Людмила, в 1981 внук Андрей, названный в его честь.

Дочь Любовь заканчивает в 1980 году 10 классов в Егоровской школе. Поступает учиться в город Тару на зоотехника. Работая на уборке в соседней деревне, она знакомится со своим будущим мужем Виктором. В январе 1981 года Люба выходит замуж и уезжает жить в Ермаковку. У дочери тоже рождаются дети: Валерий (1981), Юрий (1983 - 1985), Анатолий (1987).

Андрей продолжает хлопотать дома по хозяйству. Он изобрёл машинку для крошения капусты, которая имеет спрос у односельчан и в настоящее время. Смастерил ручные тиски для чесания овечьей шерсти, потому что овец в их хозяйстве всегда было много. Чесал шерсть сам, Валентина пряла, сучила, потом вязала носки и варежки. Ручными тисками он снабдил всю деревню. Придумывает даже электрические прялки: одна до сих пор хранится у до-

чери. Сам вырезает шпульки на прялки, принимает заказы от жителей деревни.

Позже, начитавшись книг по агрономии своей невестки Татьяны, он мастерит новую теплицу для огурцов, затем для помидор, а потом и вовсе появляется большая в человеческий рост теплица, обтянутая плотной плёнкой, с электрической подводкой для включения обогрева. Для такого строительства он оборудовал себе дома небольшую мастерскую, приобрёл электрический рубанок, сам сделал циркулярку.

Будучи хозяйственным человеком, он очень много и часто делал покупки в дом: большой шерстяной ковёр, иглопробивное ковровое покрытие, одеяла, матрацы, ковровые дорожки, пылесос, вентилятор, пила бензиномоторная, грабли поперечные конные, автотрансформатор, лампа-светильник, даже сифон для производства газированной воды – всё приобретал для дома. На стене у Валентины до сих пор висят большие часы с маятником, отбивая со звучным курантным боем каждые полчаса и час, которые были куплены после свадьбы. Часы ни разу не ломались, потому что всегда были в надёжных руках: их всегда заводил Андрей Иванович.

Но годы берут своё, Андрей тяжело болеет и последние полгода он всё реже встаёт с постели, его мучают сильные боли в спине.

Скончался он 9 января 1988 года, ему было всего 56 лет.

Автор: правнучка Болдыш Наталья Александровна

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Кемер (Валентинок) Валентины Георгиевны (06.10.1932)

Моя мама - необычная женщина. Зовут её Кемер Валентина Георгиевна, проживает она в селе Егоровка. Родилась она в 1932 году в рабочей крестьянской семье. Отец – Валентинок Георгий Васильевич по организации колхоза был бригадиром. Мать - Валентинок Надежда Васильевна – разнорабочая. Впоследствии отец работал в торговле заготовителем, председателем сельпо, мать – техничкой в сельпо и в конторе. До войны в семье было двое детей: мама – старшая дочь и младшая – Анна.

До войны мама уже ходила на рыбалку с двумя дедушками. Одного звали Ланцевич Пётр, по прозвищу «Поляк». А второго – Бабич Степан по прозвищу «Шаршель». А мама называла их по прозвищу, думала, что их так зовут, они смеялись, но ничего ей не говорили. Звали её «Юрой». Потом отец ей разъяснил, как их звать, ей было неудобно, старалась их избегать, но всё уладилось. С ними была дружба, обучали навыкам рыболовства. Она им ловила живчиков – пескарей на щуку. «Поляк» подарил удочку с самодельным крючком, а «Шаршель» - туесок из бересты. Умерли они во время войны. Рыбалка рыбалкой, но и лес не забывали, собирали бруснику, грибы, продавали, покупали одежду для школы.

Мы жили возле клуба. Через радиоприёмник мы узнали, что началась война. Брали на войну мужчин с 1925 года рождения. Провожали на войну с песнями под гармошку.

Во время войны помогала колхозу: собирала колоски на полях, поднимала лён, полола колхозный огород, рвала горох, работала там, куда пошлёт бригадир. Когда мама пошла в школу, она умела уже вязать, научила её соседка Сай Альвина. От школы на фронт посылали посылки с вещами. Мама связала два шарфика и трое носков. Написала письмо и положила его в носки, пришёл ответ,

читали в школе на родительском собрании. Шарфик достался Андрею Яковлевичу который был родом из Егоровки. После войны он, увидев меня, сказал, что твой шарфик достался мне. Вот такое было чудо.

Детские и школьные годы были трудные, помнит, как хотелось есть, не у всех на столе увидишь корку хлеба. Когда у них было что поесть, делились с другими детьми. Мать их берегла, умела всё делать: шить, вязать, готовить. А дочери, повзрослев, пилили дрова в школу, зарабатывая лошадь в колхозе для вывозки дров домой. Отца забрали во второй месяц войны, а домой пришёл с переломом ноги осенью 1945 года. Жилось трудно, дедушек в деревне не было. Папин отец умер рано. А мамин отец был сослан на Кулай. В деревню приехал в 50-ые годы, помогал, чем мог.

Мама росла спокойной, худенькой девочкой, боялась ходить босиком, часто приходила домой со сбитыми ногтями на ногах, но боль терпела. Мать вязала ей тапочки с морской жёлтой травы, где брала её, не знает, а потом мама сама научилась вязать.

Со своим мужем (моим папой) Кемером Иваном Александровичем подружилась со школьной скамьи в 1947 году. Папа окончил 7 классов и работал в Заготзерно лаборантом, а мама окончила 8 классов. Потом училась 1 год на бухгалтера в Омске в торгово-кооперативной школе. Папу забрали на три года в Армию, переписывались всю службу. После учёбы в Омске поступила в распоряжении Васийского районного Потребсоюза. Работала бухгалтером в сельпо в деревне Мартюшах, селе Васиссе, деревне Егоровке, потом в Васисской Райзаготконторе статистом. Папа с мамой поженились в 1955 году, сыграли свадьбу, катались на лошадях с колокольчиками.

Первые годы жили вместе с родителями папы Кемером Александром Ивановичем и Альвиной Ивановной, там родились мы с моей старшей сестрой Светой.

Мама с папой прожили вместе 50 лет, вырастили нас, дали об-

разование, сестре – медицинское, мне – педагогическое. Никогда не завидовали другим, жили, работали. Я не помню, чтобы родители говорили нам, что нельзя делать так или не так. Мы сами знали, что можно, а что не нельзя. Наверное, брали пример с родителей. Папа был трактористом, учётчиком, экономистом, бухгалтером по механизации в колхозе. А мама после торговли с 1963-1975 года работала в клубе села Егоровка. Имеет медаль за доблестный труд к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, почётные грамоты за труд, за подготовку клуба к зиме, за организацию поступления в культпросвет училище. Нравилось работать с заведующими Фёдоровым Владимиром и Юдинцевым Владимиром – это настоящее руководство. Награждена государственным знаком «Победитель социалистического соревнования». Каждый год наши артисты участвовали в смотре художественной самодеятельности в городе Таре, проходили на областной смотр.

Помню, как мама ходила по домам и просила мужей отпустить своих жён на репетиции. Не раз ездила на совещания передовиков, была в области на Доске почёта. Работала в школе в буфете, но эта работа была не по ней, скучала по народу. Предложили от Тарского КБО работать приёмщицей в селе Егоровка. Ездила по соседним деревням колхоза, ходила по домам, выполняла заказы жителей. На этой должности проработала 11 лет и 2 года, будучи на пенсии. Награждалась грамотами, денежными призами за выполнение и перевыполнение плана. Работала с директором КБО Байгузиной Екатериной Михайловной, с внимательными и добрыми бухгалтерами Лилией Николаевной, Верой Степановой, Светланой Ивановой и другими.

Находясь на заслуженном отдыхе, мама не может сидеть дома сложа руки. У неё всегда есть любимое занятие. Она настоящая рукодельница: выбивала на машинке, вышивала ковры, наволочки, шила одежду. В настоящее время вяжет крючком и спицами салфетки, кофточки, носки, варежки, шапки, шарфы, жакеты. Чешет и

прядёт шерсть. Она всегда что-то выдумывает, мастерит. Каждый год готовила себе костюмы на новогодний бал-маскарад и всегда приходила домой с призами. Она по натуре активный человек, любит принимать гостей. Когда с сестрой мы учились в Таре, мама занималась с соседскими детьми, ходила с ними на рыбалку. У нас дома был игровой домик, в котором играли соседские дети. Помогала растить своих внуков, а их у неё было четверо, а осталось трое и трое правнуков. Крепко подорвалось здоровье, когда погиб старший внук, офицер на чечено-ингушской границе Стрелко Алексей, а через три года умер папа. Года и горе дают о себе знать, но она старается крепиться. Тяжело зимой, когда находиться в доме. А летом её трудно застать дома. Хотя здоровье неважное, часто ходит на уклады, но лежать не любит. Она то в лесу, то на рыбалке, очень любит природу, говорит, что набирается там сил, отдыхает. Из леса с пустой корзинкой никогда не приходит. Любит собирать и грибы, и ягоды. У неё есть свои «дачи». А рыбачить умудряется тремя удочками, получая при этом заряд бодрости, удовольствия в любую погоду. И не нравится ей, когда здоровые мужики приезжают на машинах на пруд и ловят рыбу сетями. В то время, как пенсионеры и дети ловят удочкой. Своими добычами делится с родными и близкими, соседями.

Каждый год, летом, ждёт в гости сестёр, а их всего пять (после войны родилось ещё три сестры, двое живут за границей), и все они стараются приехать на родину своими семьями в одно время, встретиться в родном доме, в котором живёт мама. На жизнь не обижается. Дал бы Бог здоровья, да мир, покой, чтобы не гибли дети, внуки, ради которых отдаёшь своё здоровье, переживания и слёзы. Хочет, чтобы у всех в семье было благополучие, здоровье, а главное быть добрым к себе, соседями людям старше, которых нет.

Автор: дочь Рыжих Алевтина Ивановна

**Шталь
Виктория Робертовна**

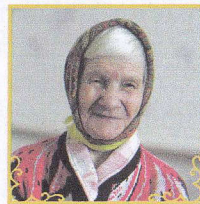
**Алтынкович
Зельма Петровна**

**Алтынкович
Анна Ивановна**

**Буценик
Эрна Владимировна**

**Хвиневич
Мария
Васильевна**

**Титова
Ольга Ивановна**

**Павлина
Мария Ивановна**

**Шталь
Альма Яковлевна**

**Кальнин
Ида Эдвартовна**

**Клетке
Елена Вильгельмовна**

**Афельд
Оттилия Емельяновна**

**Ерик
Валентина Васильевна**

**Кемер
Валентина Георгиевна**

Послесловие

Время делает свое дело. Уходят люди, но остаются воспоминания. И наша задача сохранить историю нашей деревни будущему поколению. Эта история – дань уважения нашей Малой родине. Она очень близка и понятна нашим землякам. Каждый прочитавший этот сборник сможет окунуться в историю, увидеть со стороны себя и своих близких.

Все написанное здесь было и есть, но самое главное – это люди. С какой теплотой и знанием описывают они свою жизнь, прекрасных тружеников, вложивших немало сил, умение, чтобы долгие годы жила и гордилась своими людьми наша маленькая деревенька, затерявшаяся среди снегов Тарского Прииртышья.

Мы должны помнить, ценить и любить свою историю, свою Малую родину. Пусть каждую весну расцветает наша деревня и радуется нас, жителей, новой хорошей жизнью.

Шталь Е.Э., заведующая Курляно-Дубовским СК (филиал № 8 МБУК ТКДЦ «Север» выражает благодарность:

Корреспондентам в лице учащихся Егоровской СОШ детской газеты «Курляша» – Акимовой Карине, Акимовой Валерии, Белогубец Матвею, Видякину Сергею, Сергиенко Александре, Сергиенко Анастасии, Яско Артему.

Культурорганизатору Курляно-Дубовского СК – Яско Т.В.

Учителям Егоровской СОШ – Алтынкович С.Н., Озолиной З.И.

Библиотекаря «МБУК» ТЦБС – Егоровская СБ филиал № 23 – Кузьмич В.В.

Методическому отделу МБУК ТКДЦ «Север».

Суминой З.И. (д. Курляно-Дубовка), Апанасевич Е.П., Блум Г.И. (с. Егоровка).

Подписано в печать 25.09.18. Формат 60х90 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать на ризографе. Усл. печ. л. 2,55.
Тираж 50 экз. Заказ 347.

Отпечатано в редакционно-полиграфическом отделе
Тарского филиала ФГБОУ ВО Омский ГАУ.
646532, Омская область, г. Тара, ул. Тюменская, 18.

